Дожить до весны

Автор:
Наталья Павлищева

Дожить до весны

Наталья Павловна Павлищева

Легендарные романы об осажденном городе

Первая зима блокады Ленинграда была самой страшной. Кольцо замкнулось уже 8 сентября, и город оказался к этому не готов. Отопление в квартирах отсутствовало, дрова взять негде, а столбик термометра уже с ноября начал опускаться ниже минус двадцати градусов. Ни электричества, ни воды, ни транспорта, лишь постоянные бомбежки и артобстрелы. И, конечно, те самые «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам», которые очень условно назывались хлебом. В декабре были две недели, когда карточки вообще не отоваривали.

Ленинградцы совершали боевые и трудовые подвиги, подростки вставали к станкам вместо старших, ушедших на фронт. Для детей, как Женя Титова и Юрка Егоров, настоящим подвигом было просто дожить до весны, оставшись без взрослых посреди крупнейшей гуманитарной катастрофы XX века – Блокады Ленинграда.

Наталья Павлищева

Дожить до весны

© Павлищева Н. П., 2020

© ООО «Яуза-Каталог», 2020

* * *

В большой ленинградской коммуналке жили Женька с мамой, папой, бабушкой и родственницей студенткой Милой, семья Юры Егорова – мама, папа, он и две сестрички-погодки Таня и Оля, семья Якимовых – Нинель Петровна, Кирьян Иванович и Колька, Маргарита Семеновна со своим вечно отсутствующим в командировках мужем «отвэтственным работником» Апполинарием Виссарионовичем, бывший оперный певец Станислав Павлович и чета пенсионеров Бельских, Елизавета Тихоновна и Егор Антонович. В угловой комнате жил кадровый военный Николай Григорьевич, но после того как от него под Новый год ушла красавица-жена, Николай Григорьевич дома почти не появлялся.

Командовала в квартире бабушка Жени Ирина Андреевна, она держала порядок властной рукой, и, хотя большой дружбы между всеми соседями не было, ссоры случались крайне редко и пресекались немедленно. Зато в праздники в большущем холле, куда выходили двери пяти из семи комнат, за длинным столом собирались четырнадцать взрослых, а вокруг носились пятеро детей, которых тщетно пыталась успокоить Мила, ее из-за юных лет к числу взрослых пока не причисляли. А потом обычно приходили соседи из квартиры напротив, как-то случайно оказывался рядом дворник Петрович, заглядывали поздравить друзья, и в холле становилось слишком тесно. В хорошую погоду веселье выплескивалось на улицу, в плохую первой удалялась сопровождаемая супругом Нинель Петровна, потом, зажав уши руками, Маргарита Семеновна:

– Боже мой! Содом и Гоморра.

Апполинарий Виссарионович, если бывал в этот день дома, поддакивал жене:

– Да, сплошной Содом.

На вопрос Юрки, кто такой этот Содом, Станислав Павлович рассказал библейскую историю о двух уничтоженных Богом городах. Юрка живо переиначил, и за четой Викентьевых закрепились прозвища Содома и Гомор:

– Наш Гомор опять в отъезде. А у Содомы новая шуба, пятая по счету. Может, она их ест, как моль?

Война

Мама должна прийти с дежурства рано утром и вместе с бабушкой и Женей поехать снимать дачу, но позвонила и сказала, что не сможет, срочная операция. Так бывало часто, Женина мама Елена Ивановна – опытная операционная сестра, без которой ее врач как без рук. Тогда бабушка с внучкой решили сходить в зоосад, не сидеть же в такой прекрасный летний день дома! И, конечно, позвать с собой Женькиного соседа и приятеля Юрку Егорова.

Но того не оказалось дома. Еще с осени Юрка жил у своей бабушки на Петроградской и учился в школе там же. В их крошечной комнатушке с трудом помещались остальные Егоровы. Юркиному отцу обещали новую жилплощадь, Егоровы уже договорились обменять эту будущую жилплощадь на комнату Якимовых, чтобы остаться на месте, но пока меняться было нечем, и Юрка отправился на Петроградскую сторону. Он приходил на воскресенье при любой возможности, а в тот день почему-то не пришел.

– Ну что ж, пойдем смотреть Красавицу вдвоем! – вздохнула бабушка.

– Почему это вдвоем? Как это вдвоем?! – возмутился Станислав Павлович. – А я? Я тоже хочу бегемота смотреть.

Станислав Павлович хороший, очень хороший, он для Женьки с Юркой вроде дедушки. Даже когда бабушка их ругала, Станислав Павлович умудрялся защищать. А потом ругал сам, но как-то по-другому. Юрка говорил, что он убедительно ругал.

Так они и вышли из дома втроем, чтобы пешком дойти до зоосада и посмотреть бегемотиху Красавицу. А еще слониху Бетти, любимицу всего Ленинграда. Красавица та-а-акая огромная! Бабушка даже утверждала, что она самая большая в Европе. А Бетти умная-умная. И добрая…

Пока ждали маму, думали, искали Юрку, прошло немало времени. значит, покататься на кораблике уже не успеют, остается только зоосад. Но Женя не расстроилась, не в последний же раз гулять выбрались. А после зоосада можно и в кино сходить, в «Колизее» опять «Чапаев».

Но на улице творилось что-то странное…

Дворник Петрович стоял под аркой с противогазной сумкой на боку и красной повязкой на рукаве. Снова учения? Они стали частыми, все готовились действовать по команде «Газы!», были уверены, что финны могут газ применить.

Папа говорил, что это глупости, финнам ни к чему травить гражданское население, но что готовиться все равно надо. В условиях когда весь империалистический мир против СССР, нужно быть готовыми ко всему, даже к войне.

Бабушка только качала головой и делала запасы.

– А вот это нелепо, мама! – стыдил ее папа. – Быть готовыми отразить враждебное нападение – это одно, а набивать шкафы продуктами на случай недельной тревоги совсем иное. Что вы будете делать – всю неделю под одеялом есть эти макароны?

Бабушка отмахивалась, и в огромном старинном буфете прибавлялись жестяные банки и холщовые мешочки.

– Мыши сожрут!

– Не сожрут, Левушка, Мурка не позволит, – успокаивала папу бабушка.

Да, Мурка всю парадную от мышей спасала. Поговаривали, что в других квартирах они есть, а у них ни разу не скреблись. Мурка кошка трехцветная, такие кошки хорошие мышеловы.

– Учения? – бодро обратился к Петровичу Станислав Павлович.

Тот посмотрел как-то странно и коротко и резко ответил:

– Война!

– Какая война? – даже растерялся Станислав Павлович.

– Вы что, радио не слушаете? Германия напала, с рассвета наши города бомбят и наступают. Товарищ Молотов по радио выступал только что.

– Границу пересекли? Но их уже остановили, отбросили назад?

Петрович только головой помотал:

– Прут проклятые. Больше ничего не знаю.

Конечно, стало не до зоосада, вернулись домой, включили радио, позвонили маме в больницу.

Елена Ивановна страшную новость уже знала, речь Молотова слышала, но успокоила, что с папой все в порядке, завтра прилетит из командировки, он срочно нужен здесь, в Ленинграде.

Пришла Мила, которая ночевала у своей подружки, рассказала, что по всему городу, несмотря на воскресенье, очереди в военкоматы, все в добровольцы записаться торопятся. Женя объявила, что если бы папа был дома, то обязательно записался в добровольцы! Бабушка покачала головой:

– Твоего папу не возьмут, у него бронь.

Женя представила себе папу в старинных доспехах и удивилась:

– Какая бронь? Разве он рыцарь?

Бабушка объяснила, что бронь – это запрет забирать на фронт ценных специалистов, нужных в тылу, тех, которые работают на оборонных заводах. Именно поэтому папа не участвовал в финской.

В воздухе словно разлилась тревога, окончательно испортив прекрасный июньский день. Горожане подтянулись, стали строже. В финскую такого не было… «Может, потому, что была зима и холодно?» – подумала Женя и решила, что наверняка из-за этого.

Война… то, чего так боялась бабушка, выстраивая в ряд мешочки с крупой, сахаром, солью… Женька подумала, что теперь придется бабушкины запасы уничтожать. Но ей вовсе не хотелось есть макароны, посыпая их солью. В крайнем случае можно с сахаром, хотя макароны Женька не любила совсем.

Интересно, как быстро разгромят гитлеровские вой ска? Может, папу зря отозвали из командировки? Нет, это хорошо, Женька уже соскучилась, но предпочла бы увидеть папу без вот такого повода. Бабушка всегда говорила, что война – это страшно и плохо, это беда. В финскую Женька большой беды не ощутила, хотя погиб папин бывший однокурсник дядя Ваня.

Хорошо, что у папы бронь, а то ведь он тоже мог погибнуть на войне. Жене вдруг стало страшно при мысли, что убьют кого-то знакомого или даже просто кого-то убьют. Хоть бы скорей эта самая война закончилась! А то ведь длится с самого утра.

Очень хотелось обсудить новость с Юркой, уж он-то точно знает все марки немецких танков и самолетов и то, чем Красная Армия лучше, и сумеет рассказать, как красноармейцы будут бить, наверное, уже бьют проклятых фашистов! Женьке стало досадно, что она пропускает такую важную вещь, как блистательный разгром немцев прямо на советской границе. Вокруг никто ничего толком не знал.

Прибежал Юра только на следующее утро, как раз успел проводить своего папу на фронт.

Мама Юрки бежала за мужем, цеплялась и кричала, что не пустит:

– Да на кого ж ты нас бросаешь?

Бабушка даже обругала ее:

– Дуся, прекрати! Что ты голосишь, словно на кладбище провожаешь, а не на фронт?

– Не увижу я его больше, чувствую, что не увижу.

– Не говори глупостей! Разве так мужей на фронт провожают?

Женька тоже считала, что Юркина мама провожает как-то неправильно. В фильмах суровых, но одновременно радостных мужчин провожали такие же женщины – сильные, уверенные в скорой победе своих мужей, сыновей, отцов. Они пели красивые песни, а вовсе не вопили дурными голосами. Конечно, после таких проводов побеждать врага было легко. Нет, не легко, но как-то… обязательно, что ли… В победе не сомневался никто, даже мысли такой не возникало, было только страшно, что ранят или убьют.

Но тетю Дусю не остановить, голосила, даже когда вернулась домой. За ней расплакались Юркины сестрички Таня и Оля, бабушка забрала их в комнату Титовых и дала по конфете, чтобы отвлечь. А потом посадила Женю читать маленьким сказку, а сама отправилась в кухню обсуждать дальнейшие действия с соседками и со Станиславом Павловичем. Мама снова ушла в свою больницу, Мила убежала в институт. Юрка улизнул на улицу. Жене очень хотелось туда же, чтобы узнать новости, но девчонки так жалобно на нее смотрели, что пришлось читать. Женя читала «Айболита» и думала о том, как погонят немцев.

Она даже не заметила, как посреди текста о больных бегемотиках вдруг пропела:

– Если завтра война,

Если завтра в поход,

Будь сегодня к походу готов!

На нее с изумлением и страхом смотрели четыре глаза.

– Да! – зачем-то объявила Женька и закончила припев песни из популярного фильма: – Весь советский народ за свободную Родину встанет! Поняли?

Девчонки дружно кивнули.

– А ваш папа вернется героем. Скоро. Совсем скоро. Поняли?

Снова кивок.

Ночью была воздушная тревога!

Утром по радио передали, что доблестные советские зенитчики одержали победу, возле станции Дибуны был сбит один вражеский бомбардировщик, остальные испугались и удрали. А над Кронштадтом и вовсе сбили четыре самолета врага. Дети кричали ура!

Станислав Павлович показал Жене с Юркой Дибуны и Кронштадт на большой карте, которая висела у него в комнате. Юрка попытался объяснить что-то про проклятый юнкерс, но Жене все равно, главное, что его сбили. Правда, было немного страшно, ведь эти Дибуны совсем рядом с Ленинградом, не дальше, чем место, где Титовы снимали дачу.

Утром прилетел папа, сходил на свой завод и пришел домой, чтобы собраться, их переводили на казарменное положение.

Бабушка тревожно поинтересовалась:

– Лев, ты думаешь это надолго?

Обычно называла его Левушкой, а тут полным именем. Женьке стало не по себе. Какая-то эта война не такая, как в кино…

Папа сказал, что надолго и что ошибка горсовета, что город не готовят к длительной обороне.

Мама возразила, что папа пессимист, таким был всегда, что товарищ Сталин на посту, обо всем знает и в случае необходимости пришлет Ленинграду помощь! А

еще что немцев очень скоро погонят до самого их Берлина и даже до Ла-Манша. И добавила, чтобы Женя не вздумала нигде повторить папины слова, а ее слова повторять можно и даже нужно. Слова не про папу, а про немцев и Ла-Манш. Чтобы победить, особенно такого страшного и коварного врага, надо в победу верить.

Женя спросила, неужели папа не верит в победу? Папа ответил, что, конечно, верит, просто знает, что она не будет скорой.

– Еще двух дней хватит?

Папа вздохнул:

– Боюсь, двух лет будет мало.

Двух лет?! Финская длилась одну зиму, и то казалось, что вечно. А если финны начнут обстреливать Ленинград? Бабушка рассказывала, как это страшно – артиллерийская бомбежка.

Женя поинтересовалась у Станислава Павловича, где этот Ла-Манш. Тот объяснил, что пролив Ла-Манш между Европой и Англией, и показал на карте. А потом показал им с Юркой Ленинград. Друзья ужаснулись: это же так далеко! Юрка тут же заверил, что советские танкисты со всем справятся, Красная Армия победит и обязательно сбросит немцев в Ла-Манш! Он мечтал стать танкистом и считал, что это лучший род войск, презирая остальные. Ну, разве что авиацию признавал… немного…

Юрка принес линейку и измерил расстояние от Ленинграда до Кале, посчитал в уме, нахмурился, но тут же перемерил – от Бреста до этого самого Кале. Все правильно, нужно же от советской границы. По растерянности на его лице было понятно, что снова получилась внушительная цифра, но, чуть подумав, Юрка бодро сообщил:

– Полторы тысячи километров. При средней скорости танка… пусть пятьдесят километров в час – нужно всего-то тридцать часов! Да, двое суток!

Станислав Павлович возражать не стал, только сокрушенно покачал головой и ушел в кухню ставить чайник.

Юрка и сам понимал, что перегиб, а потому чуть смущенно пояснил Женьке:

– Даже если не по прямой, не по шоссе и не на максимальной скорости… все равно быстро погонят.

Но Женя подумала, что папа прав, это может продлиться долго. Если финнов отодвигали от Ленинграда всю зиму, то немцев придется двигать куда дальше…

Финляндия объявила Советскому Союзу войну! Вот глупые, неужели прошлая война их ничему так и не научила? Ведь побьет же их Красная Армия и погонит до самых их Хельсинки. Станислав Павлович что-то говорил об угрозе для Ленинграда с севера.

Дача, которую Титовы уже несколько лет снимали у родственников Станислава Павловича, совсем недалеко от Ладожского озера, в Борисовой Гриве, места там прекрасные, но опасно: финны близко. Если война, значит, там могут быть бомбежки, потому мама решила, что Женя останется дома с бабушкой.

Женя не против, ведь Юрка теперь будет жить с мамой и сестренками, а с ним не скучно. Он не как другие мальчишки, не вредничает, а что опекает и ее, как маленькую, так пусть. Сейчас война, мужчины должны защищать женщин и детей – так сказала бабушка, правда, не про Юрку, а вообще. Но Юрка как-то вдруг сразу стал солидней и старше, теперь он единственный мужчина в своей семье и даже временно ее глава. Женька смотрела на приятеля, мучась вопросом о том, каково это – быть главой семьи в одиннадцать лет.

Если бы еще не эти военные ограничения…

Как они надолго? Во время финской вон сколько со светомаскировкой насиделись, всю зиму, пока финны не запросили пощады. Когда же немцы запросят?

Война, значит, нужно снова заклеивать окна крест-накрест, как в позапрошлом году, и соблюдать светомаскировку? Мама сказала, что да.

Женя с бабушкой клеили. Нарезали газеты длинными полосками и крест-накрест наклеивали на стекла. Бабушка сказала, что это убережет стекла от вылета в случае близкого разрыва снаряда и взрывной волны. Женя ужаснулась:

– Какого снаряда?!

Но потом вспомнила, что в финскую тоже боялись снарядов и взрывной волны, однако все обошлось. Тогда была зима, и мама предложила клеить не полосы, а снежинки, располагая их в ряд, чтобы выглядело новогодним украшением окон. Понравилось не только Женьке и папе, весь их дом поклеил на стекла такие ряды снежинок.

Но теперь лето, снежинки будут выглядеть нелепо. Надо придумать что-то другое, решила Женька, но, как назло, ничего интересного в голову не приходило.

Хоть бы поскорей эта война закончилась, а то стоят прекрасные летние деньки, а она все испортит. Женя спросила Юрку, думает ли он, что война испортит все каникулы, или еще останется время купаться и загорать. Словно забыв собственные рассуждения о скорости передвижения советских танков, он ответил совсем как Женин папа:

– Думаю, это надолго. Все так говорят.

От досады Женька обозвала приятеля дураком. Юра только посмотрел как-то серьезно-серьезно и покачал головой. Ой, подумаешь, взрослый нашелся! Глава семьи… Ему одиннадцать, а Жене вот в ноябре десять будет. Правда, ему в январе целых двенадцать. Как несправедливо, Юрка всегда будет старше на эти почти два года и всегда будет этим гордиться и зазнаваться. Однажды Женя подумала, что зато может прожить дольше его на два года. Так и заявила. Юрка тогда тоже посмотрел долгим внимательным взглядом и сказал, что главное не сколько, а как прожить.

Ну почему он всегда прав?

Юрка заботливый кавалер – это сказал про него Станислав Павлович. Скажи кто другой, Юрка бы обиделся, а здесь только фыркнул:

– Никакой я не кавалер! Она же девчонка, к тому же маленькая. Вот и защищаю.

Тогда возмутилась Женя:

– Нашелся взрослый! Да ты всего на год меня старше. Я через год такая же буду. И защищать меня нечего, сама справлюсь, к тому же никто не нападает.

Юрка хороший, и то, что он подругу защищает, даже здорово, Женя чувствует себя уверенно. Хотя действительно никто не нападает.

– Во-первых, не на год, а почти на два. Во-вторых, на целых два класса. В-третьих, ты действительно девчонка, и с этим ничего не поделать, – развел руками Юрка. Они поссорились…

Шла вторая неделя, а война вовсе не заканчивалась!

В подвале их дома приказано устроить газоубежище, потому из него принялись выносить весь хлам. Но мужчины и дворник договорились оставить там доски, чтобы сделать скамьи для сидения. Женя вздыхала: неужели придется проводить время в газоубежище?

Но не время рассуждать или жаловаться, необходимость спускаться в газоубежище не такая уж большая жертва по сравнению с тем, что красноармейцы испытывали на фронте и даже гибли там. Немцы упорные, они, как какая-то страшная железная машина, катились вперед. Скорей бы уж этой машине свернули шею.

Мужчин в доме оставалось все меньше – кого-то призвали в армию, кто-то ушел добровольно, кто-то перешел на казарменное положение. Были даже такие, что эвакуировались. Позор! Эвакуироваться, бросить любимый Ленинград – значит не верить в победу над врагом. Скорую победу!

За неделю город изменился до неузнаваемости.

Большие витрины магазинов заложили мешками с песком, кое-где стекла и вовсе закрыли фанерой. Сняли все вывески, говорили, что это против шпионов, мол, местные и сами знают, где что находится, или спросят прохожих, а шпионы могут прочитать.

В парках и скверах копошились женщины, так казалось со стороны. В действительности у них тяжелая работа – рытье щелей. Такая щель замена бомбоубежища, ведь в случае бомбежки не у всех будет возможность добежать до настоящего убежища.

В городе введено затемнение, значит, включать свет можно только если окна плотно зашторены. Освещение на улицах не включали вообще, в парадных горели тусклые синие лампочки, такие же повесили над входами в убежища. Хорошо, что летние ночи в Ленинграде светлые.

Дети бегали смотреть на зенитки на площадях, на противотанковые ежи, мальчишки по-прежнему играли в войну, только теперь вместо финнов и Антанты врагами были гитлеровцы. Конечно, побеждали врага после третьего «тра-та-та», брали в плен и нещадно били. Однажды Станислав Павлович вступился за такого бедолагу, ему объяснили, что «все по-настоящему», раз этот сегодня немец, то пусть и терпит.

– А завтра?

– А завтра мне может выпасть жребий быть немцем, меня побьют, – серьезно пояснил щербатый конопатый мальчишка.

В разговор вмешался еще один:

– Чего стоишь? Побежали на площадь Жертв Революции, там зенитки поставили!

С воплем: «Ух ты!» мальчишки умчались смотреть на зенитки.

Пока это казалось какой-то игрой и даже не очень страшной. Дети играли, взрослые поняли что-то иное…

Некоторые районы области – Псковский и Новгородский (тогда они были в составе Ленинградской области) – стали называть прифронтовыми!

– Как это? При фронте?

Станислав Павлович решил проводить для квартиры политинформации. Он стал отмечать на карте города, о боях за которые сообщали по радио. К сожалению, все сообщения заканчивались словом «оставили»… Черные флажки на портновских булавках, которыми он на карте помечал захваченные гитлеровцами советские города, множились и все ближе подступали к Ленинграду.

В городе вовсю шла эвакуация, забежал попрощаться племянник бабушки Петр, он со своим Кировским заводом уезжал на восток. Его жена Алла и дочь Мариночка ехали с хореографическим училищем, по счастью, туда же – в Пермь. Алла радовалась:

– По крайней мере, будем рядом.

Многолетний приятель Станислава Павловича по службе в Кировском театре оперы и балета Иван Антонович тоже уезжал и звал Станислава Павловича с собой, но тот отказался:

– Нет, я уж лучше со своими, со своим Ленинградом останусь.

Грузились «Светлана» и «Электросила», Металлический и завод «Русский дизель», Ижорский… Паковали вещи НИИ, проектные институты, лаборатории, театры, Филармония и Капелла…

Это производило гнетущее впечатление, если уезжают и так поспешно, значит, в Ленинграде оставаться опасно? Но одновременно росла вера в то, что город все равно не сдадут! Нет, пока жив хоть один ленинградец, немцы на улицах города не смогут маршировать, как делали это на улицах других европейских городов.

– Ленинград не Париж, Вена или Варшава! Мы не пустим гитлеровцев в город!

По радио объявили, что теперь нельзя выключать репродукторы, по ним будут объявлять о воздушной тревоге. И что теперь, когда нет передач, будет постоянно передаваться звук метронома – если медленный, значит, все в порядке, а если быстрый, то тревога.

Сначала этот стук раздражал, но скоро привыкли.

В городе появились беженцы. Станислав Павлович сказал, что это очень плохой признак, люди бегут от войны, значит, она приближается.

Их размещали в зданиях эвакуированных учреждений, в школах. Женькину школу заняли под госпиталь. И мамина больница больше не больница, а госпиталь. Госпиталь – значит, есть раненые, ведь госпитали для раненых? Бабушка хмуро сказала:

– Готовятся…

Как по-разному вели себя люди. Одни с первого дня в очередях простаивали, чтобы их на фронт взяли, другие начинали прятаться, чтобы туда не попасть. Станиславу Павловичу отказали: у него больное легкое, и сердце тоже больное, да и возраст, а с Юркой, который собирался наврать, что ему уже шестнадцать, даже разговаривать не стали, просто не пустили в военкомат.

А мама рассказывала, что немало таких, кто вдруг на операцию решил лечь, хотя несрочные операции отменили. Нашлись те, кто уксус пил, чтобы обострение язвы вызвать и на фронт не попасть. Вот мерзавцы! От язвы погибнуть они не боялись, а на фронт боялись. Но таких мало, совсем мало, ленинградцы рвались на фронт, чтобы прогнать врага с родной земли, не допустить приближения к любимому городу.

Главная угроза с севера: финны не могут простить поражения в прошлой войне и рвутся к Ленинграду. Ох и погонят же их!

Прошел слух, что из Ленинграда эвакуируют самое ценное из музеев. Женя с Юркой бегали смотреть: и правда у Эрмитажа и Русского музея машины, оттуда выносят что-то большое. Юрка сказал, что это верно, ценные картины и скульптуры могут пострадать при артобстреле или воздушном налете.

– А разве мы не можем?

Юрка посмеялся над ней:

– Девчонка, сразу видно! Мы люди, мы можем в убежище уйти, а картины куда денутся?

А еще они бегали смотреть, как закрывали или красили купола. Какие эти альпинисты храбрые! Они висели на канатах и красили купола соборов и ничуть не боялись. Женя и без Юркиных объяснений поняла, чтобы вражеские летчики с самолетов не увидели. Вдруг какому-то самолету удастся прорваться к Ленинграду?

И снова мама твердила:

– Это ненадолго, просто помощь из Москвы еще не подоспела. Товарищ Сталин наверняка отдал приказ о помощи нашему городу!

Маргарита Семеновна фыркнула:

– Наивная вы, Леночка! Сколько городов сдали и Ленинград сдадут.

– О чем вы говорите?! Никто Ленинград фашистам не сдаст!

– А я что? – широко раскрыла глаза Маргарита. – Я ничего. Немцы народ культурный и строгий, порядок установят. Вся Европа под ними живет и не жалуется.

Обычно молчавшая в кухне Елизавета Тихоновна вдруг подала голос:

– Особенно те, кто в концлагерях…

Маргарита снова фыркнула:

– Это вы про евреев? Своих жалеете? – И внезапно обратилась к маме: – А у вас ведь немецкие корни, да? Вам-то чего бояться?

Мама даже побледнела.

– Я советская гражданка!

Бабушка положила ей руку на плечо:

– Спокойней, Леночка. Не обращай внимания.

Но мама все же продолжила:

– И корни у меня не немецкие.

– А… еврейские, значит? Тогда вам точно следует бояться.

Когда Маргарита Семеновна ушла, Женя тихонько поинтересовалась у мамы:

– Что значит «немецкие корни»?

– Анна Вольфовна немка, и все Гольдберги тоже.

Женя даже ахнула:

– Они с Гитлером?!

– Нет, они родились в Петербурге и никогда не бывали в Германии. Как и их родители.

Бабушка объяснила еще:

– Ты ведь умная девочка и прекрасно понимаешь, что немцы, как и русские и другие народы, бывают разные. Это просто национальность человека, от которой вовсе не зависит, хороший он или плохой. Иногда люди уезжают далеко от своей Родины, живут там, у них рождаются дети, потом внуки и правнуки,

которые даже языка своих предков могут не знать. А немцы и фашисты не одно и то же. И вообще все эти разговоры – глупости!

Женя впервые видела бабушку раздраженной и не понимала почему.

Понять пришлось скоро, потому что в тот же день Колька ехидно поинтересовался:

– А ты немка, да?

– Никакая я не немка! Я русская, у меня папа русский!

– А мама немка. У нее фамилия Гольдберг.

– Это фамилия ее первого мужа, вот!

– Ага, а почему она тогда не Титова, как вы с папой?

– Потому… потому… – Женька даже не сразу вспомнила почему. Какая разница, какая у человека фамилия? – Чтобы была фамилия, как у Тани.

– Какой еще Тани? – передразнил противный Колька.

– Моей старшей сестры Тани. Она с Гольдбергами живет на Васильевском и тоже Гольдберг.

– Все равно немка!

Наверное, они бы подрались, но Кольку подхватил за ухо и повел в свою комнату Станислав Павлович. Что уж он там говорил, неизвестно, но Колька вышел и извинился перед Женей, а его родители вечером устроили настоящую атаку на Станислава Павловича. Колькина мама Нинель Петровна кричала визгливым голосом, что не позволит унижать их мальчика, а мужа, который пытался ее успокоить, кричала, обзывала ни на что не годной тряпкой! В общем, тарарам стоял весь вечер.

Наверное, Нинель Петровна сделала бы немало гадостей Станиславу Павловичу, но на следующий день они уехали в эвакуацию.

Закрывая комнату на целых три замка, Нинель Петровна нарочно громыхала ключами, чтобы все слышали, что дверь надежно заперта. Проводить их не вышел никто, а Станислав Павлович в кухне вдруг подмигнул Женьке и нарочно громко предупредил:

– Женька, будь осторожна, там мышь скреблась. Все девчонки мышей боятся.

Женя мышей ничуть не боялась, и никакие мыши в квартире не скреблись, бабушка бы этого не допустила, на то и Мурка, чтобы не было мышей. Но Женя поняла, что Станислав Павлович что-то задумал, и поддержала его:

– Ой, правда?! А где?

– Вон там, у двери Якимовых. Хорошо, что они уехали, Нинель Петровна наверняка мышей боится.

В двери кухни показалась побледневшая Нинель Петровна:

– Где мышь?! Какая мышь?!

Станислав Павлович округлил глаза:

– А разве вы еще не уехали? Да не бойтесь, мышка маленькая, она вас не съест. Разве что погрызет что-то. Езжайте спокойно.

– Уедешь тут! – взвыла Якимова и бросилась открывать замки, оказалось, что она решила проверить, все ли надежно завернуто и спрятано. Едва не опоздали.

Закончив проверку, Нинель Петровна закрыла дверь только на один замок, а ключ вдруг протянула вышедшей в коридор бабушке:

– Ирина Андреевна, присмотрите за комнатой. И впускайте туда иногда Мурку, чтобы кошачьим духом пахло.

Бабушка отказалась:

– Нет, Нинель, я не стану брать ключ. А Мурка и без того по коридору все время ходит.

К Якимовой метнулась Маргарита Семеновна, буквально выхватила ключ из рук:

– Я присмотрю! И за Муркой тоже.

Сам Якимов звал жену:

– Нинель, мы опоздаем. Уже опоздали.

Та махнула рукой и поспешила к выходу. Маргарита Семеновна, напевая, отправилась к себе, она выглядела так, словно выиграла большой приз.

Немного погодя Маргарита Семеновна загромыхала замком, открывая комнату Якимовых.

Бабушка укорила ее:

– Вы хотя бы завтра дождались.

– Я только посмотрю, нет ли мыши.

Юрка расхохотался:

– Вы же не кошка.

С того дня повелось: Юрка при виде Маргариты норовил мяукнуть. Женька, не выдерживая, прыскала от смеха. Так продолжалось, пока Станислав Павлович не взял за ухо уже Юрку, а Женьке погрозил пальцем:

– Посмейся мне!

А тогда Ирина Андреевна лишь покачала головой:

– Что если они опоздали и сейчас вернутся?

Маргариту из чужой комнаты словно ветром вынесло, поспешно закрыла замок и удалилась к себе:

– Вдруг и правда там мышь?

Якимовы не вернулись, из дома они первыми отправились в эвакуацию.

В июне это считалось позором, трусостью. Станислав Павлович развел руками:

– Крысы бегут с тонущего корабля.

Женя не удержалась:

– А мы тонем?

Станислав Павлович смутился:

– Я не про корабль, я про крыс. Мы не тонем и не потонем никогда, девочка моя.

Эти фашисты очень подлые, очень. Сначала захватили всю Европу, теперь напали на Советский Союз и упорно продолжали продвигаться вперед. Напасть, заключив договор о ненападении! Чего же о них можно сказать хорошего?

Но Женя не могла понять, куда смотрит немецкий рабочий класс. Должны же они выступить против Гитлера? Почему немецкие рабочие не заявят о том, что так нельзя поступать? Нет, они сами идут воевать, захватывать чужие земли, убивать ни в чем не повинных людей, даже детей! Они будто ослеплены, оглушены, словно забыли, что они сами люди. Или нелюди? Где же международная классовая солидарность трудящихся? Где Интернационал?

Ничего, когда немцев погонят обратно, а это будет очень скоро, буквально на днях, то все поймут, что зря пытались отсидеться в кустах.

Когда же погонят? Который день ведь немцы прут вперед, топчут советскую землю, убивают советских людей. Нет им прощения.

Скорей бы уж погнали…

Вышло постановление о сдаче всех радиоприемников. Сдать надо в пятидневный срок. Зачем?

Станислав Павлович объяснил, что при помощи радиоприемников могут поддерживать связь шпионы, заброшенные в Ленинград.

Женя удивилась:

– Пусть бы шпионы и сдавали. Мы-то не шпионы.

Юрка посмеялся:

– Надо пройти по квартирам и спросить: вы не шпион? Ах, шпион… тогда сдайте, пожалуйста, радиоприемник.

Женька и сама поняла, что сказала глупость, просто было очень жалко, что отдадут приемник и нельзя слушать, как читает книги Мария Петрова. У этой артистки такой голос… заслушаешься.

Но приемник пришлось сдать, вместо него выдали черную тарелку репродуктора, сказали включить в сеть и не выключать, все новости теперь будут по репродуктору. Женя спросила у управдома:

– И Мария Петрова тоже?

Думала, он не поймет, но он понял, ему тоже нравился голос этой артистки, и как она книги читает, нравилось.

– Не знаю, детка. Надеюсь, что и Мария Григорьевна будет выступать. Если не эвакуируется. Театры все эвакуируются.

– Жаль…

Но ладно, ленинградцы потерпят, просто обидно думать, что любимая артистка сбежит из Ленинграда при первой же опасности, как Якимовы.

Мария Петрова не сбежала, она продолжила работать на Ленинградском радио и читать книги у микрофона, став одним из «голосов блокады», как и Ольга Берггольц.

Эвакуировали маленьких детей, тех, которые в яслях, и самых маленьких детсадовских. Почему-то тревожно на них смотреть, их много таких маленьких и бес толковеньких, а взрослых с ними мало, совсем мало. А их ведь далеко везут, подальше от опасности. Как же в пути – одному кушать захочется, другому какать, третий с четвертым подерутся из-за игрушки. Это в яслях порядок и все организовано, а в пути? Вдруг кто-то потеряется, заблудится, отстанет?

Родителям тоже страшно, но как возразишь, если отец малыша ушел на фронт, мама на казарменном положении, а бабушки нет? Как хорошо, что у Женьки есть бабушка. И Станислав Павлович. Маме и папе за дочь спокойно.

У Титовых тоже был спор про эвакуацию.

Папин завод эвакуировали, ему полагалось ехать вместе с семьей, но бабушка категорически заявила:

– Нет! Я в Питере самые тяжелые годы Гражданской и после нее прожила, все повидала – и голод, и холод, и разруху. Страшней уже не будет. Я не поеду!

Женька представила, что нужно уехать куда-то в чужой город, оставив любимый Ленинград, и тоже возмутилась:

– Я останусь с бабушкой. Красавица и та осталась, а я уеду?

– Какая красавица? – изумилась мама. Когда ей объяснили про бегемотиху, только отмахнулась: – При чем здесь бегемот? Ленинград могут бомбить. Это опасно.

– А мы в убежище спустимся и пересидим. А окна мы с Женей уже заклеили. Вы езжайте, мы вас подождем дома, – заверила бабушка Елену Ивановну.

Закончился спор просто: Лев Николаевич и Елена Ивановна тоже остались, Лев Николаевич вообще оказался полезней на фронте, а Елена Ивановна в своей больнице, впрочем, все они теперь стали госпиталями.

Титовых, Егоровых и всю их коммуналку выручило то, что Ирина Андреевна и Станислав Павлович не забыли уроков голодных лет Гражданской войны.

С первых дней войны, когда трудности казались временными, тем более погода стояла отличная, Ирина Андреевна и Станислав Павлович начали заготовки. Они выкупали все продукты, которые полагались на карточки, хлеб резали и сушили, крупы перебирали и ссыпали в большие жестяные банки, все, что можно, менялось на тушенку и сгущенку…

Большая кладовая была срочно освобождена от многолетнего хлама, в ней установлены полки, которые заполнили банки, склянки, бутылки, коробки со спичками, мылом, целое ведро соли и многое другое, что, по мнению бывалого старшего поколения, должно исчезнуть из магазинов, чтобы появиться на рынке втридорога.

Бабушка вздыхала:

– Как бы я хотела ошибиться в своих опасениях. Если обойдется, сама отнесу все на помойку, а пока надо запасаться.

Еще один такой запасливый хомячок жил в их же парадной на первом этаже. Иван Трофимович и Станислав Павлович приятельствовали, хотя были из разных слоев общества, как любила говорить Маргарита Семеновна. Роднило двух пенсионеров происхождение – оба приехали в тогда еще Петроград из деревни,

только Иван Трофимович из Тверской, а Станислав Павлович из-под Питера.

Деревенская смекалка теперь подсказывала удивительные решения.

Приятели привезли и с трудом притащили в квартиры какие-то железные бочонки на небольших ножках и с кучей труб. На Женькин смех бабушка грустно вздохнула:

– Это печка-буржуйка. Не думала, что снова буду пользоваться.

– Зачем, бабушка?

Возмутилась и Маргарита Семеновна:

– К чему захламлять квартиру? У нас хорошие печки.

– Наши печки много дров требуют. Если зимой будет трудно, то и дров не сможем купить.

– Что вы все каркаете, Ирина Андреевна? Извините, но ваш сын прав, вы паникерша. Это недостойно советского человека.

Бабушка спокойно объяснила:

– Большинство сильных мужчин ушли или еще уйдут на фронт, сильные женщины заменят их у станков, дрова заготавливать станет просто некому. На нас с вами надежды мало. Пусть буржуйки стоят про запас. Не понадобятся, так сдадим в металлолом.

Маргарита Семеновна немного посоображала у себя в комнате, видно, пришла к какому-то выводу и снова появилась в кухне, где терпко пахло сухарями, разложенными на большой плите.

– Вы думаете, что эти самые буржуйки могут пригодиться? Где Станислав Павлович их купил?

– Так-то лучше, – проворчала бабушка. – Еще спасибо скажете.

Глядя на Ирину Андреевну, Маргарита Семеновна тоже начала запасаться, полки ее кухонного стола и шкафов в комнате быстро заполнились кульками, мешочками и коробками. В углу высились ящики с макаронами и крупами. Правда, осознав, что печку придется топить самой и дело это грязное, предпочла разжечь свою голландку. В теплую погоду тяга оказалась плохой, и, основательно надымив, Маргарита Семеновна махнула рукой:

– До зимы немцев все равно прогонят.

Зоина сестра Аня и братик Алешка отправились в эвакуацию. Им простительно, они маленькие. А Аглая Антоновна своего Димку не отпустила, вернее, уже посадила в автобус, а потом оттуда заставила выйти, сказала, что лучше вместе. Как бы ни было тяжело, они будут вместе. Кто из них прав – Валентина Ивановна или Аглая Антоновна? Женька спросила бабушку, та сказала, что обе, они обе хотят спасти своих детей.

Мила в числе других студентов отправилась на рытье заградительных рвов. В первый раз она приехала через три дня едва живая от усталости и привезла… конфеты. Женька не могла поверить своим ушам: с немецкого самолета женщинам, рывшим траншеи, сбросили листовки и конфеты! Во всяком случае, так утверждала Мила. Мол, в листовках было написано, чтоб русские дамочки не рыли свои ямочки, поскольку те засыплют немецкие таночки. А вместе с конфетами была обещана вот такая вкусная и сладкая жизнь, если ленинградцы поднимут восстание против своих безумных вождей и не станут сопротивляться.

– Как можно принимать что-то от врага?! – ужаснулась бабушка. Остальные мрачно молчали.

– Я… я не принимала… взяла только пару конфеток Женьке… я даже сама не пробовала, честное слово, – лепетала смущенная Мила.

Она хорошая девушка, настоящая комсомолка, которая и взносы всегда платила вовремя, и на собраниях с энтузиазмом выступала, и на субботниках больше многих работала, и с подругой Ниной стенгазету своего курса выпускала. Наверное, просто растерялась или действительно хотела угостить Женьку, вот и

взяла конфеты.

Конфеты были в красивых обертках, таких, что глаз не отвести! Женьке очень-очень хотелось попробовать, на мгновение она даже решила, что вовсе не будет есть обе конфеты сама, откусит только кусочек, и Тамаре с Зоей даст откусить, и Юрке с его сестричками, и бабушке, и Станиславу Павловичу, и маме оставит кусочек… В общем, конфеты надо порезать на маленькие кусочки, чтобы всем досталось хоть по чуть-чуть этого угощения.

И вдруг Женьку обожгло сознание, что угощение от врага! Она сгребла конфеты со стола и демонстративно швырнула в помойное ведро.

В полной тишине Мила выскочила из кухни. А Женька пробормотала:

– Фантиков красивых жалко.

Мила в тот же день переселилась в общежитие, якобы так легче будет добираться на занятия, и вообще… Бабушка горестно вздыхала:

– Как-то нехорошо получилось. Она хотела как лучше…

Женька возмущалась:

– Какое же это лучше?! Она не понимает, что принимать подачки от врагов недостойно советского человека! Это позор!

Юрка с подругой был совершенно согласен, он даже фантики не жалел, отчего Женьке стало немного стыдно.

– Знаешь, мне тоже не жалко. Что красивого может быть во вражеских фантиках? Сплошная гадость. Какая-то тетка изображена… вот если бы там был советский танк, тогда другое дело.

Как могло оказаться на немецкой конфетной обертке изображение советского танка, непонятно, но Юрка все равно согласился:

– Тогда конечно.

Какой кошмар! Пришло известие, что поезд, на котором увезли детей в эвакуацию, сначала просто разбомбили, а потом всех, кому удалось выбраться из горящих вагонов, еще и расстреляли из пулеметов! Они все погибли, значит, погибли и Аня с Алешкой?! Женя не могла поверить в это, Зойка тем более.

Как можно поверить в то, что военные летчики, даже фашисты, расстреливают детей?!

А Валентина Ивановна помчалась в какое-то Лычково, там застрял этот поезд. Зоин папа и старший брат на фронте, Зоя пока осталась с одной тетей, но та тоже записалась в народное ополчение. Подруга попросила Женьку ночевать у нее, чтобы было не так страшно, но бабушка предложила лучше спать у Титовых. На Женькином широком диване они вдвоем легко поместились.

Зоина мама из Лычково не вернулась. Потом какая-то женщина рассказывала, что приехавшие матери собирали останки своих детей с кустов и деревьев, так все разметало. Матери не выдерживали и сходили с ума. Наверное, и Валентина Ивановна сошла, она очень любила своих малышей.

По городу поползли слухи о немецких шпионах, которых забрасывают в город толпами. Эти шпионы ходят, все высматривают, выспрашивают, записывают или даже фотографируют, чтобы потом передать сведения своим хозяевам. Потому нужно быть внимательными и разоблачать каждого подозрительного человека!

Подобные новости в квартиру приносила Маргарита Семеновна, ее буквально распирало от слухов, Женьке казалось, что соседка на работе только и занимается сбором слухов. Маргарите Семеновне действительно нравилось узнавать новости и громогласно выкладывать их на кухне под шипение масла на сковороде и шум воды из крана. Ее новости далеко не всегда были нелепыми, Маргарита Семеновна точно знала, какие продукты и где будут давать, почему нельзя разговаривать с незнакомцами, а подозрительных направлять прямо в отделения милиции, сколько и каких шпионов арестовано за сутки.

– Да, Ирина Андреевна, вы зря не верите, а вот Аделаида Степановна рассказывала Софье Соломоновне, как в их булочной какой-то мужчина с

окладистой бородой спрашивал килограмм яиц! В булочной яйца, да еще и килограмм! Конечно, его арестовали, так знаете, борода оказалась накладной! А в его чемодане пулемет в разобранном виде.

Любой хорошо одетый человек, тем более если он разглядывал дома без вывесок и номеров на незнакомой улице, немедленно попадал под подозрение и препровождался в милицию. Женька сама видела, как мужчину задержали возле соседнего дома только потому, что он не мог найти нужный номер. Но никто не роптал, все понимали, что лучше проявить излишнюю бдительность и перестраховаться, чем пропустить настоящего шпиона, который может сильно навредить. Пусть с подозрительными разбирается милиция.

Но когда прошел слух, что шпионов стали забрасывать в Ленинград именно в милицейской форме, стало еще хуже. Теперь под подозрение попадал каждый милиционер, если местные не знали его в лицо. Так однажды выручила их бывшего участкового Женькина бабушка. Они с Женей возвращались из магазина, когда услышали, как несколько человек с пристрастием допрашивают мужчину в милицейской форме. Что женщинам не понравилось в поведении милиционера, Женя так и не узнала, но возгласы слышались довольно грубые. Тот слабо отбивался:

– Да вы что, бабоньки, я же свой…

Почему-то «бабоньки» вызвало особое недовольство.

– Ты глянь, как научился говорить! Точно шпион! Я про таких слышала, – горячилась крепкая женщина, явно прикидывавшая, как вцепиться милиционеру в лицо. Ирина Андреевна окликнула:

– Федор Иванович, здравствуйте! Что случилось?

Тот узнал бабушку, растерянно развел руками:

– Здравствуйте, Ирина Андреевна. Вот, гражданки не верят, что я милиционер и при исполнении. Напасть какая-то.

Совместными усилиями от наседавшей бабы удалось отбиться, а Женька вдруг вспомнила:

– Бабушка, эта тетенька на Мальцевском рынке семечками торгует.

Торговка поспешила ретироваться. Позже осенью такое нечаянное знакомство помогло Ирине Андреевне и Женьке задешево купить земляное повидло – вареную пропитанную горелым сахаром землю с пожарища Бадаевских складов, которую вот такие ловкие бабенки продавали банками. Вернее, Титовы купили землю, а повидло сварили сами.

Очень скоро в Ленинграде ввели продовольственные карточки. Продуктов по ним можно было выкупить так много, что карточки никого не испугали, напротив, обрадовали. Ну кто из ленинградцев съедал 800 г хлеба в день, при том что были и другие продукты? Если это ограничения, то ничего страшного.

Карточки были напечатаны на хорошей бумаге, разноцветные, в аккуратных квадратиках яркие черные цифры. Жене, Юрке и Тане с Олей полагались розовые – детские, по ним выдавали больше сладостей и жиров. У Елены Ивановны зеленые карточки служащей, у Льва Николаевича тоже, но он вскоре ушел на фронт и почти не воспользовался своими. У Ирины Андреевны, Станислава Павловича и Юркиной мамы желтые иждивенческие. Детские действовали для детей до двенадцати лет, потом выдавалась иждивенческая.

Позже и бумага стала плохонькой, и краска едва заметной, но главное – числа в квадратиках совсем иные и с каждой неделей все меньше.

Первое снижение нормы произошло уже 2 сентября, с того дня и началась паническая скупка оставшихся на прилавках продуктов. Но было уже поздно…

Это по желтой иждивенческой карточке в декабре выдавали по 125 г черного, похожего на оконную замазку хлеба, где муки было меньше половины, а есть его можно только подсушенным, иначе завязнет в зубах. В первой декаде декабря, кроме этих «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам», иждивенцы не получали вообще ничего!

Но в сентябре какие-то запасы еще были дома, люди не оголодали, а потому боялись больше бомб и снарядов, сыплющихся с неба, чем голода, и интересовались скорее вестями с фронта, чем из булочных.

Сообщения с фронта неутешительные, даже Женьке понятно, что Красная Армия отступает. Почему? Ну почему?!

Упорное сопротивление фашистам оказывали защитники всех населенных пунктов, за каждую малую высоту шли тяжелые бои, Красная Армия не сдавала позиции врагу без ожесточенного сопротивления. Только почему же фашисты все время одерживали верх?

На севере финны, а с запада и юго-запада к Ленинграду все ближе (и как быстро!) подкатывала грязно-коричневая волна, затапливая один населенный пункт за другим.

Война началась 22 июня, а уже 9 июля сообщили о взятии гитлеровцами Пскова!

– Но ведь Псков Ленинградская область! Враг в нашей области? – ужаснулась бабушка.

Теперь стало понятно, почему столько зениток и противотанковых ежей на улицах, а в некоторых домах даже устроили доты. Юрка со знанием дела объяснил Женьке, что это огневая точка. Огневая точка прямо в городе? Они что, собираются воевать прямо вот здесь? Не как в кино, где доблестные танкисты мчатся на своих быстроходных машинах на врага где-то в поле или перелеске, где бойцы метко стреляют по врагу, а потом поют красивые песни вместе с красивыми девушками. В кино не показывали бои на улицах города, там всегда воевали гуманно, где-то в стороне от мирных жителей.

– А куда же мы денемся, если бои будут в городе?

Юрка только плечами пожал в ответ на неразумный Женькин вопрос:

– Не знаю, как ты, а я буду воевать. Если только фашисты появятся на улицах города, я весь песок, что для тушения зажигалок, на немцев и сброшу. И не

только его. Мы с Петькой кирпичи приготовили, с чердака им на головы бросать будем, а еще битых бутылок полведра есть. Если только сунутся, все на них вывернем.

Женька восхитилась сообразительностью друга, они принялись придумывать, что бы еще такое сбросить на врагов сверху, чтобы те сами побежали из города.

Станислав Павлович сказал проще:

– Если до такого дойдет, то каждый будет зубами и голыми руками Ленинград отстаивать. Но грош цена нашим защитникам, если пустят врага на улицы города.

Друзья согласились, что лучше будет, если не пустят.

Словно прислушавшись к чаяньям ленинградцев, защитники оказали такое сопротивление, что продвижение гитлеровцев замедлилось. И все же в самом конце августа слова «после кровопролитных боев оставлен…» прозвучали о Мге. Станислав Павлович объяснил, что это означает перекрытое железнодорожное сообщение с остальной страной.

– Это надолго? – дрогнувшим голосом поинтересовалась Маргарита Семеновна.

– Сам хотел бы знать…

Станислав Павлович добровольно взял на себя обязанности политинформатора их квартиры. Он рассказывал о положении на фронте, объяснял, чем грозит то или иное наступление врага и отступление Красной Армии. По его словам получалось, что немцы вместе с финнами стремятся окружить Ленинград со всех сторон.

Женька не понимала: как это можно приехать на танке в город или село, где живут люди, что-то разрушить, обстрелять, убивать людей…

– Зачем?! Разве можно убивать безоружных людей? Как можно бомбить города, где живут те, кто им не сделал ничего плохого?

Вопросы повисали в воздухе, что могли ответить девочке взрослые? Это война…

Ленинградский горком парии решил, что в каждом доме должен быть свой грамотный политорганизатор, чтобы разъяснять положение на фронте и в городе, а также повышать бдительность граждан и крепить противовоздушную защиту дома. Бабушка твердила, что таким организатором непременно должен быть Станислав Павлович, но в горкоме назначили мелкого комсомольского чиновника, жившего во второй парадной. Он очень любил произносить речи, но совершенно не умел что-то организовывать. А еще любил парадные отчеты. Станислав Павлович старался держаться от этого Дмитрия подальше.

Из горкома тот принес тексты нескольких писем поддержки, которые присылали ленинградцам со всех концов необъятной страны. Юра и Женька решили внести свою лепту и предложили переписать тексты и разбросать в почтовые ящики. Выбрали такой:

«Товарищи ленинградцы! Знайте, что в эти грозные дни с вами вся великая Советская страна. С вами героическая Красная Армия и Военно-Морской Флот, с вами рабочие Москвы, Урала, Донбасса, Баку, Киева, Харькова, Днепропетровска, с вами колхозники Украины, Поволжья, Сибири, с вами горцы Кавказа, охотники Заполярья, хлопководы Узбекистана».

Весь вечер Женька, высунув от старания язык, переписывала это обращение на обыкновенные тетрадные листочки, а Юрка, у которого почерк, как говорила бабушка, «хромал на все буквы», раздавал их в бомбоубежище, когда пришло время спускаться туда по тревоге.

К вечеру следующего дня правая рука у Женьки отваливалась, как и у трех ее подружек, – они все переписывали и переписывали обращение. Отправили тексты родным на фронт, чтобы тоже знали, что страна помнит и поддерживает.

От усталости они начали делать ошибки, и Дмитрий категорически потребовал «прекратить безобразие, пока не наказали всех, а если листовки нужны, то их лучше принесут из типографии». Станислав Павлович утверждал, что тексты, написанные детской рукой, воздействуют куда сильней, чем бездушные канцелярские буквы, просто за девочками надо следить, но вскоре махнул рукой и он.

6 СЕНТЯБРЯ, суббота

Отныне каждые два-три дня в эфире звучали слова: «Слушай нас, родная страна! Говорит город Ленина. Говорит Ленинград».

Фашистская артиллерия опять обстреливала город. Ночью завыли сирены. С начала войны это была 129-я воздушная тревога. 128 раз до этого фашистские самолеты пытались нанести удар по Ленинграду. В общей сложности в этих налетах участвовало 4600 самолетов. Но все предыдущие попытки бомбить Ленинград были безуспешными. Еще одна электростанция перестала давать ток Ленинграду – Дубровская. 6 сентября она оказалась в руках врага.

После работы была возможность отдохнуть. В кинотеатрах демонстрировались фильмы, в Театре имени Ленинского комсомола шла пьеса «Очная ставка», в Театре юного зрителя – «Ревизор»…

8 СЕНТЯБРЯ, понедельник

Гитлеровские войска захватили Шлиссельбург. Ленинград оказался в блокаде. К этому дню в нем находилось 2 миллиона 544 тысячи жителей.

И еще одна беда – в 18 часов 55 минут вражеской авиации впервые удалось подвергнуть город массированному налету. Только на Московский район упало 5000 зажигательных бомб. Вспыхнуло 178 пожаров. Один из них – самый большой – охватил деревянные хранилища Бадаевских складов. Огонь полыхал здесь около пяти часов. Сгорело 3 тысячи тонн муки и 2500 тонн сахара[1 - Большая часть расплавленного сахара была затем переработана на патоку, использована для приготовления кондитерских изделий.].

В 22 часа 35 минут налет повторился. Фугасными бомбами было разрушено 12 домов. Повреждена главная водопроводная станция города. Разрушены два резервуара чистой воды и несколько водопроводных линий. С честью выдержал в эту ночь первое боевое испытание аварийно-восстановительный батальон службы «Водоканал». В короткий срок он ликвидировал весьма серьезные повреждения.

В городе много раненых, обожженных. 24 человека погибло[2 - Здесь и далее приведены выдержки из книги-дневника А. Бурова (Буров А. В. Блокада день за днем. Л.: Лениздат, 1979).].

Говорили, что некоторые школы все-таки открылись 1 сентября. Женькина нет, в ней разместили эвакогоспиталь.

Женя повторила уже сказанное раньше:

– Ничего, откроется 8 сентября!

Хотя было ясно, что до восьмого ничего не произойдет.

Но тут все ошиблись, 8 сентября произошло страшное – немцы взяли Шлиссельбург и замкнули кольцо!

Осада! Город в осаде!

Так твердили все вокруг, хотя по радио ничего такого не говорили.

8 сентября стало для Ленинграда знаковым, со знаком минус. В тот день город пережил первую массированную бомбежку, и ленинградцы поняли, что живут в прифронтовом городе. Теперь аэродромы врага совсем рядом, воздушные бои проходили над самим городом, но главное, немецкие самолеты легче прорывались и сбрасывали свой смертоносный груз, в том числе на жилые кварталы.

По сигналу воздушной тревоги Женька вместе с бабушкой, Станиславом Павловичем и всеми Егоровыми спустились в бомбоубежище. Женя и Юрка предусмотрительно прихватили по книге, хотя свет в подвале плохой. Станислав Павлович предложил не портить глаза при таком освещении, а лучше послушать его рассказ.

Вокруг немедленно собрались все дети, поскольку рассказывал он прекрасно. На сей раз он решил поведать о Батыевом нашествии. Даже те, кто уже изучил этот

материал в школе, слушали, затаив дыхание. Такие уроки Станислав Павлович старался проводить каждый раз и до того, и после, это хороший способ отвлечь детей от происходившего наверху.

А там творилось черт-те что! Буханье зениток, вой снарядов, грохот взрывов, какой-то треск, крики… Дрожали стены их, казалось, вечного дома. Если уж толстые стены, на подоконниках которых мог с удобством сидеть человек, дрожат, то какой же силы удары?

Женьке стало по-настоящему страшно. Не только ей, от ужаса глаза округлились у многих и детей, и взрослых. Это позже ленинградцы научились относиться ко всему спокойней, даже не спускались в бомбоубежища, а в сентябре еще дрожали от каждого взрыва. Первые походы в бомбоубежище вообще были сплошным кошмаром. Оказалось, что тренировка – это одно, а жизнь совсем иное. Когда жильцы всех квартир с детьми, котами, чемоданами, узлами попытались спуститься вниз, подгоняемые воем сирен и разрывами снарядов, парадной лестницы оказалось мало. Кто-то что-то уронил, кто-то упал сам, начались настоящая давка и паника. Потребовался зычный голос Станислава Павловича, чтобы перекричать мечущуюся толпу. К сентябрю и число жильцов в доме уменьшилось, и действовать стали слаженно, давок уже не было.

В тот день самое страшное увидели, когда после отбоя воздушной тревоги вышли наверх. Полнеба над Ленинградом заволокло каким-то черным дымом с юга.

– Бабушка, что это?!

Ответила не Ирина Андреевна, а какой-то мужчина, более осведомленный:

– Бадаевские склады разбомбили…

Даже если бы он сказал, что разбомбили Римский Колизей, Женька поняла не больше. Но взрослые стали задавать вопросы:

– Там что, лаки и краски?

– Нет, там продукты. То ли еще будет…

– То есть это вот продукты горят? – почему-то шепотом переспросила соседка с третьего этажа.

– Мука и сахар. Потому дым такой черный.

Эту страшную картину – черный дым над городом – запомнили все ленинградцы. Потом пожаром на Бадаевских складах объяснили нехватку продовольствия в городе и блокадный голод, хотя ясно, что там не было столько продуктов, чтобы Ленинград мог прожить хотя бы одну зиму.

– Значит, будет голод, – четко, почти по слогам произнес дворник Петрович и сам испугался своей откровенности. Разве можно такое говорить вслух? Обвинят ведь в распространении панических слухов и отправят куда похуже.

Но его короткая речь уже подействовала на окружающих. К страху перед несущейся с неба смерти прибавился страх перед голодом.

Склады горели несколько дней, но глазеть на страшный черный дым скоро надоело, нашлось на что посмотреть и без этих складов. Киевская слишком далеко от их дома, чтобы туда сбегать, а вот на разрушенный бомбой дом на Невском смотреть бегали. Это было немыслимо – вместо вчерашнего дома стоял его скелет, а обвалившиеся стены открыли внутренности квартир, в которых на местах осталась часть вещей…

Стало страшно до холода в животе.

– Это ведь могут и в наш дом так же?!

– Могут.

– А если бы там были люди?!

– Если не спустились в бомбоубежище, то погибли…

Теперь при первых звуках сигнала воздушной тревоги Женька мчалась в бомбоубежище впереди всех. Бомбили каждую ночь по несколько раз, к тому же начались артобстрелы из дальнобойных орудий, сигнал тревоги звучал то и дело. Это страшно выматывало, ведь многим утром нужно идти на работу, кому-то в магазин за продуктами, да и вообще, не спать которую ночь подряд…

Ленинградцы не подозревали, что это даже не вершина айсберга, а его самая крошечная макушечка, что много месяцев кошмара впереди, такого кошмара, какой не видел ни один город ни в одной стране мира. Кошмара под названием БЛОКАДА.

Город уже был в осаде, но трагедия только разворачивалась. И одними из главных жертв этой трагедии стали ленинградские дети.

Из Директивы

Начальника штаба

Военно-морских сил Германии

от 22 сентября 1941 года:

«…дальнейшее существование этого крупнейшего населенного пункта не представляет никакого интереса.

В этой войне, ведущейся за право на существование, мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения»[3 - Конечно, речь о Ленинграде и ленинградцах.].

Женька решила, что, если нельзя в школе учиться, значит, надо помогать раненым в госпитале, который там разместился. А что, вполне логично. Они с Тамарой и Зоей были очень горды такой придумкой и, не теряя времени даром, отправились к начальнику госпиталя предлагать свои услуги.

Начальник отнесся к появлению неожиданных помощниц серьезно, только поинтересовался школьными отметками по чистописанию. Женька с гордостью сообщила о пятерке за все диктанты в году, а вот Тамаре пришлось покраснеть. У нее была тройка, причем полученная с трудом, ну не давались бедолаге грамматические правила!

– Зато у нее почерк прекрасный! – заверила начальника Зоя.

– Да, а ошибки мы будем исправлять, – поддержала подругу Женя.

Начальник кивнул:

– Хорошо, там ведь не только писать, но и читать нужно.

– Что читать?

– Полученные письма, газеты, даже просто стихи. Стихи хорошие знаете?

Подруги горячо заверили, что знают, и не одно, и читают все трое с выражением, их Клавдия Никифоровна очень хвалила!

– Ну если сама Клавдия Никифоровна… Хорошо, идите в отделение, Сима вас отведет. Там разберетесь, кому читать, кому писать, а кому ошибки проверять.

Сима оказалась улыбчивой девушкой, чувствовалось, что ее любят больные, едва успевала отвечать на приветствия. В коридоре она поинтересовалась у девочек, не трусихи ли те.

– Нет! – решительно замотали головами подружки.

– Там лежат тяжелые, у некоторых нет рук, другие слепы, третьи все время стонут… Не испугаетесь?

У храбрых подруг дрогнуло внутри, но все три еще решительней замотали головами. И вдруг Зоя сообразила:

– Ой, это же наш класс! Мы в этой классной комнате учимся… учились…

– Вот и расскажите раненым об этом.

Только переступив порог классной комнаты, превращенной в палату, Женька поняла, что переоценила свои силы. Вместо парт в классе стояли кровати, на них лежали забинтованные люди. Пахло лекарствами и чем-то неприятным, кто-то стонал, кто-то ругался и требовал утку…

Девочки растерялись, а Сима пообещала дать утку немедленно и громко объявила, что привела помощниц:

– Кому надо письмо написать или прочитать?

Домой подруги вернулись поздно, Женька даже боялась, что ее начнут ругать, но бабушка серьезно сказала, что это ее вклад в дело победы над врагом.

– Большой вклад, Женя. Только постарайся не задерживаться допоздна, это опасно.

Женька обещала.

Весь вечер, а потом и в газоубежище, куда пришлось спускаться трижды за ночь из-за воздушной тревоги, она снова и снова повторяла услышанные солдатские истории.

От ужина отказалась, в госпитале их напоили сладким чаем с сухарями.

Раненые расспрашивали подружек о довоенном житье-бытье, об учебе, любимых учителях и уроках, заодно вспоминали сами. Всем казалось, что лучшей жизни, чем до войны, и быть не может. Это здорово поднимало настроение.

Но вот Зою спросили о сестричке и братике. Когда она, заикаясь, рассказала о гибели детей в Лычково и о маме, которая так и не вернулась из розысков, все помрачнели, а с одним из бойцов, который лежал без ног, даже случилась истерика. Он требовал, чтобы его выписали и отправили на передовую:

– Мне все одно не жить, а я смогу под танк заползти и вместе с собой взорвать! Таких, как я, надо не в тыл отправлять или в госпитале держать, а на передовую!

Его поддержали многие, даже те, что лежали с забинтованными глазами.

Начальник госпиталя, пришедший успокаивать раненых, потом только головой качал:

– Если бы ненавистью врага можно было уничтожить на расстоянии, то сегодня немцы понесли бы огромные потери. И все же осторожней. У Смирнова кровотечение открылось, им нельзя так резко.

18 СЕНТЯБРЯ, четверг

18 сентября артиллерия противника выпустила по Ленинграду 193 снаряда. Обстрелу подверглись не только районы, прилегающие к линии фронта, но и центр города, где никаких военных объектов нет. Шесть снарядов разорвалось на Марсовом поле, три – на Невском проспекте, у домов № 20, 21, 22. Два снаряда разорвались вблизи Театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Обстрелу подвергся педагогический институт имени А. И. Герцена. Фугасная бомба попала в хирургический госпиталь (улица Розенштейна, 28/30).

6 ОКТЯБРЯ, понедельник

Запасы топлива в городе настолько сократились, что 6 октября горком партии вынужден был принять постановление о проведении лесозаготовок на территории лесоохранной зоны.

Катастрофически сокращались запасы продовольствия. Некоторое количество его удавалось доставлять баржами по Ладожскому озеру, что, однако, не спасало положения. А в этот день и вовсе не повезло: самолеты противника разбили четыре баржи, груженные мукой и боеприпасами.

Дважды Ленинград подвергался бомбежке. Из 80 сброшенных на город бомб 6 не разорвались, а 28 упали в воду. Остальные натворили немало бед. 27 человек погибло, более 50 ранено.

– Мы получили задание собирать бутылки! – гордо объявил Юрка.

– Бутылки? Это твоя помощь фронту? – расхохоталась Женя.

В ответ Юрка презрительно фыркнул:

– Глупая девчонка! Бутылки нужны для зажигательной смеси, чтобы бойцы танки взрывали.

Бабушка подтвердила:

– Да, так делают, я читала.

– Мы тоже будем собирать бутылки! – объявила Женя и помчалась к Тамаре с невиданным предложением.

За следующие пару дней они облазили все задворки, обнаружив немало интересного и даже страш ного.

Но много бутылок набрать не удалось. Молочные не подходили, кроме того, бутылки обычно не выбрасывали, а сдавали. Пришлось обходить квартиры и спрашивать у жильцов, немало их озадачивая таким вопросом.

Зою забрала к себе другая ее тетка куда-то в пригород, девочка очень не хотела ехать, но куда денешься, жить-то как-то надо.

Женя с Зоей прощались так, словно точно знали, что больше никогда не увидятся. Стало страшно…

Станислав Павлович, который был мобилизован на рытье окопов, привез полный рюкзак белых грибов, причем сушеных! Бабушка ахнула:

– Откуда?

– Выменял на портсигар.

Бабушка только головой покачала. Портсигар был дорогой, но сушеные белые грибы тоже недешевы.

Наверное, если бы все, что за начало осени принесли в дом Ирина Андреевна и Станислав Павлович, досталось их семье, получилось прожить зиму, не особенно голодая. Но как можно кушать в своей комнате, зная, что рядом голодные Таня и Оля, Юра, Елизавета Тихоновна и Егор Антонович… А другие соседи, которые едва передвигали ноги?

Ирина Андреевна и Станислав Павлович с первого дня завели правило: все поровну на всех, даже на Маргариту Семеновну.

– У нас теперь коммуна? – чуть смущенно вопрошала Маргарите Семеновна, когда ее впервые пригласили ужинать.

– В коммуне выжить легче, – спокойно ответил Станислав Павлович.

7 октября 1941 года в секретной директиве верховного командования вооруженных сил было: «Фюрер снова решил, что капитуляция Ленинграда, а позже – Москвы не должна быть принята даже в том случае, если она была бы предложена противником…» («Нюрнбергский процесс», т. 1, с. 784).

По городу прокатился страшный слух: немцы в Урицке![4 - Для справки тем, кто в Петербурге не живет:Урицк – это район нынешней станции Лигово, она существовала под тем же названием. Это давно район Санкт-Петербурга, сейчас Лигово – четвертая остановка электрички от Балтийского вокзала, и от нее до Дворцовой площади и Эрмитажа по прямой всего 15 км!] Говорили, что они прямо-таки захватили обычный трамвай и на нем собирались ехать в центр города.

Газеты вышли с большой передовицей «Враг у ворот!». Егор Антонович сказал, что если ворота – это станция Лигово в Урицке, то ворота открыты настежь. Елизавета Тихоновна страшно испугалась неосторожных слов мужа, кажется, они впервые за много лет поссорились…

Это плохо, если уж все будут бояться разговаривать друг с другом, то станет совсем страшно.

По-настоящему страшно уже вторую неделю, с тех пор как немцы разбомбили Бадаевские склады. Женьке не сахара было жалко, ужасен черный дым, который накрыл город, хотя были те, кто любовался этой картиной. Да-да, одна девушка восхищенно ахала, мол, какая зловещая красота. Нашла, чем восхищаться! От их улицы Чехова до Киевской далеко, но даже сюда долетела эта едкая горелая вонь. Поговаривали, что там сгорели все продукты, запасенные Ленинградом, и теперь наступит голод. Но об этом тоже нельзя говорить.

Женька с Юркой решили, что готовы голодать, только бы не голодали наши бойцы, только бы им хватало всего – еды, а главное – патронов и снарядов, чтобы разбить проклятых фашистов поскорей!

Наконец получили известие от Милы. Она ведь как уехала тогда окопы рыть, так и пропала. Мама узнавала, но не нашла ее, думали, что погибла, но Мила писала, что они действительно попали под обстрел, ей чудом удалось выжить, даже не пострадав, зато она познакомилась с чудесной женщиной и теперь живет у новой знакомой и работает тоже с ней. Сообщить о месте работы и месте жительства не может. Позже еще напишет или даже придет.

Бабушке и Станиславу Павловичу очень не понравилось это письмо, оно попахивало ложью, как сказала бабушка. Но что они могли поделать, как найдешь Милу? Оставалось только ждать, когда сама объявится.

19 ОКТЯБРЯ, воскресенье

Тревожная весть из столицы: в связи с угрожающим положением, создавшимся на подступах к ней, и с целью мобилизации усилий войск и населения на отпор врагу Государственный Комитет Обороны 19 октября принял решение о

введении с 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах осадного положения…

20 ОКТЯБРЯ, понедельник

Запасы продовольствия в Ленинграде катастрофически тают. Осенняя непогода затрудняет перевозку продуктов по Ладоге. То, что доставляют в осажденный город несколько десятков транспортных самолетов, равносильно капле в море. Пробить брешь в блокадном кольце поистине жизненно важно…

В городе полностью иссякли запасы ячменной муки, добавлявшейся в качестве примеси к ржаной муке. Теперь хлеб в Ленинграде начали выпекать с добавлением льняного жмыха, отрубей, овсяной, соевой, солодовой муки и муки из затхлого зерна. Общее количество примесей в хлебе составляет теперь 37 процентов.

25 ОКТЯБРЯ, суббота

Ленинградский горком партии принял постановление, обязывающее исполком Ленгорсовета организовать нормальные занятия в старших классах ленинградских школ. Этим же постановлением начальнику гарнизона предложено освободить 31 школьное здание, занятое военным ведомством, а горвоенкомату – выделить для военного обучения в школах 37 командиров запаса.

Занятия учеников первого, второго, третьего, четвертого, пятого и шестого классов должны проходить в бомбоубежищах и красных уголках домохозяйств.

Ночью дежурившая в подъезде Глафира Ивановна заметила, что какой-то мужчина сигналит фонариком в небо. Это был корректировщик, о которых предупреждали. Он подавал световой сигнал немецким самолетам! Глафира Ивановна успела позвать свою сестру Светлану и тетю Полю, женщины набросились на этого корректировщика и подняли такой шум, что сбежались остальные. Бабушка сказала, что шпион был парализован страхом от решимости

женщин и им удалось диверсанта скрутить и сдать милиции. Вот как справляются советские женщины, ленинградки, с немецкими диверсантами!

А сколько шпионов заброшено в Ленинград? Надо быть очень бдительными, тут Женя с Юркой согласна.

Мама не на казарменном положении, но почти не выходила из операционной, поспит немного в соседней комнатке и снова к столу – очень много раненых с фронта и после бомбежек. Она не оперировала сама, но заканчивала операции, зашивая за хирургом. Это большая помощь, он в это время мог отдохнуть или оперировать кого-то другого.

Ходить к ней нельзя, чтобы не мешать.

Бабушка решила, что должна пойти работать, а с детьми справятся остальные. К тому же рабочий паек не помешает.

Она пошла в цех по пошиву одежды для красноармейцев, его организовали в соседнем с Гостиным Двором доме. Женя напросилась с ней сначала просто посмотреть, потом ей поручили пришивать завязки. Бабушка радовалась:

– Видишь, и твои золотые ручки пригодились.

Девочка пришивала старательно, ведь от этого могла зависеть жизнь бойца. Да-да, вдруг у него в неподходящий момент оторвется тесемка на рукаве, и это помешает меткому выстрелу?!

Сразу стало понятно, что домой ходить не придется, но никто не возражал, чем дольше будут работать, тем больше сделают. Хватило бы материала. Его пока хватало. Грохотали швейные машинки, росли стопки пришитых тесемок. На третий день к Жене присоединилась Зоя. У нее тоже хорошо получалось. Девочки решили, что это даже полезней, чем читать и писать для раненых бойцов.

Работницы не бегали в убежище, некогда, ведь пока туда, потом обратно… сколько за это время можно сшить!

Бомба попала в соседний дом, а будто в них. Рухнуло, кажется, все, вылетели стекла, обвалилась штукатурка, попадали лампы и все, что было под потолком.

Бабушка, возле которой сидели Женя с Зоей, успела толкнуть их на пол и повалиться сверху сама. На их счастье, волной сбросило и большущую гору изделий. Женщин завалило сразу всем – штукатуркой, стеклами, рубахами и разбитой мебелью. Стало вдруг совершенно тихо, хотя понятно, что должно грохотать, ведь налет еще не прекратился.

Они трое остались живы и были не очень сильно посечены стеклами, а вот любимица цеха тетя Тая погибла, и две девушки, что сидели у самого окна, тоже. Многие были серьезно ранены, ведь стекла острые. Машинки оказались испорчены.

Работниц перевязали и отправили домой. У Иды Исаевны порезано лицо, даже в глаз стекло попало. Женьке стало страшно, ведь как только начинается бомбежка или даже артобстрел, стекла летят во все стороны, их выбивает взрывной волной. Значит, вот так может посечь кого угодно – и маму, и бабушку, и даже саму Женьку? И не только в цеху, но и дома?

Юрка смотрел на забинтованную голову подруги почти с завистью, Женька с Зоей стали героинями, но сами себя такими не чувствовали.

Вечером Женя тайно призналась Юрке, что было очень страшно, особенно когда оглушило и стало совсем тихо. Она не понимала, что засыпана и может погибнуть, но чувствовала, что это конец. Приятель возразил:

– Все равно ты молодец!

– Жалко, что женщины погибли.

Цех восстанавливать не стали, и бабушка не смогла бы работать, у нее язва, нельзя волноваться, и надо питаться по часам и калорийно. Да где их взять, эти калории, если в магазинах пусто? И их казавшиеся огромными запасы таяли как снег на солнце. Это происходило потому, что Ирина Андреевна и Станислав Павлович подкармливали всех вокруг. По-настоящему Ленинград еще не

голодал, но у многих не хватило ни времени, ни денег или даже сообразительности, чтобы своевременно сделать запасы. Ирина Андреевна, подсовывая очередной мешочек или кулек какой-то бедолаге, радовалась:

– Вот и мои запасы пригодились. Зря Левушка ворчал.

Тогда никто не подозревал, что голод впереди и никакие даже самые большие запасы в кухонных буфетах не спасут от него в грядущую страшную блокадную зиму.

В Ленинграде не говорили «блокада», твердили, что город в осаде, а осаду вот-вот снимут, прогонят фашистов, и жизнь наладится. А пока надо потерпеть, сделать все, чтобы помочь фронту, – это главное.

3 НОЯБРЯ, понедельник

В 103 школах Ленинграда сели за парты более 30 тысяч учащихся старших классов. Несколько раньше, в конце октября, в красных уголках домохозяйств и бомбоубежищах к занятиям приступили 60 тысяч младших школьников (с первого до шестого класса)[5 - В декабре 1941 года, когда условия блокады стали особенно тяжелыми, было разрешено временно прекратить учебные занятия. Однако в 39 ленинградских школах они все-таки продолжались.].

Впрочем, и старшеклассникам нередко приходилось менять классы на бомбоубежища. Только сегодня враг выпустил по городу 100 снарядов и сбросил на него 51 фугасную бомбу.

Старшеклассники пошли в школы, было их немного – и учеников, и учителей, и самих заработавших школ. Что делать со средними, пока неизвестно, а вот с младшими учителя стали заниматься прямо в красных уголках ЖАКТов или выделенных помещениях.

Юра уже относился к средним, а вот Женьку позвали учиться. Учительница из соседней школы Вера Александровна старалась не слишком утомлять малышей, но и спуску не давала. Как положено, взяли тетради, наполнили чернилами

непроливайки, у кого были, принесли учебники. У Женьки были. Во-первых, сохранил свои Юрка, а недостающие ей успели купить перед планируемым отъездом на дачу.

Но учиться получилось недолго, при очередном обстреле ранило саму Веру Александровну, а потом в помещении ЖАКТа стало слишком холодно, чтобы малыши могли просидеть там хоть пару часов. В квартирах не теплее, но там можно закутаться в сто одежек и забраться под одеяло. Кроме того, в ЖАКТе тоже вылетели стекла, а осветить даже небольшую комнату парой коптилок так, чтобы были видны буквы в тетрадках и книгах, попросту невозможно.

– Ничего, будем пока учиться дома! – бодро объявила Женька и взялась за столь нелюбимую ею математику.

Удивительно, но когда в классе было тепло и светло, заниматься этой самой математикой вовсе не хотелось. А теперь, когда свет только от коптилки или буржуйки, хочется.

Юрка предложил пока заняться устным счетом:

– Будем мозги тренировать, чтобы не замерзли и не усохли.

Он на два класса старше, должен бы учиться в пятом, а потому учить Женьку ему нетрудно. Они тренировали мозги даже в очередях за хлебом и позже водой. Это хорошо отвлекало.

6 НОЯБРЯ, четверг

В канун 24-й годовщины Великого Октября гитлеровцы подвергли город на Неве жестокой бомбардировке. Немало было разрушений и жертв. Моховая, 30, 38, 42; Белинского, 3; Фонтанка, 119, 127, 133; Суворовский, 32б; Мойка, 10 и 12; Мошков переулок[6 - В 1953 году переименован в Запорожский.], 5/19, – это далеко не полный перечень очагов поражения, возникших при бомбардировке, начавшейся в 18 часов 20 минут.

В 19 часов 45 минут одна фугасная бомба разрушила два дома на Таврической улице, 29 и 31. Только здесь погибло 22 и ранено 24 человека.

От прямого попадания бомбы обрушился массивный сводчатый потолок здания в Петропавловской крепости, где находилось общежитие типографской команды фронтовой газеты «На страже Родины». Всю ночь работники редакции раскапывали груды битого кирпича. Спасти удалось только одного красноармейца. Остальные 13 погибли.

Всего в канун праздника на город упало более 100 бомб весом от 50 до 1000 килограммов. Среди них были впервые сброшены на Ленинград бомбы замедленного действия с часовыми механизмами и противосъемными приспособлениями. Попытка вынести и разрядить одну такую бомбу закончилась трагически. Она разорвалась, убив 5 и тяжело ранив 8 бойцов МПВО. Артиллерийский обстрел, начавшийся в 11 часов 35 минут, длился до 18 часов 50 минут. В 21 час начался новый обстрел. От бомб и снарядов 6 ноября пострадало 333 ленинградца.

В честь завтрашнего праздника сегодня детям было выдано по 200 граммов сметаны и по 100 граммов картофельной муки. Взрослые получили сверх скудной продовольственной нормы по пять соленых помидоров.

8 НОЯБРЯ, суббота

Пал Тихвин. Враг перерезал железную дорогу, по которой к Ладожскому озеру доставлялись грузы, предназначенные для осажденного Ленинграда. Положение еще больше усложнилось. Пришлось провести новое снижение продовольственных норм. На этот раз оно коснулось войск фронта. С 8 ноября суточный хлебный паек каждого военнослужащего урезан на 200 граммов.

13 НОЯБРЯ, четверг

Снова, уже в четвертый раз, снижены нормы выдачи хлеба. По рабочей карточке с 13 ноября выдается 300 граммов хлеба в день, по карточкам остальных категорий населения – 150. Качество хлеба еще более ухудшилось. В муку, и без

того включавшую многие примеси, стали добавлять не менее 25 процентов целлюлозы – клетчатки, получаемой при специальной обработке древесины.

Женя с Юркой весь день таскали воду и песок на чердак. Воду набирали у Пети в квартире на пятом этаже, передавали по цепочке к лестнице на чердак, а там забирали Валентина Кузьминична и Аллочка. Аллочке всего шестнадцать, но она на правах самой старшей из детей дома командовала остальными. Удивительно, но даже Юрка ей подчинялся. Вообще-то Алла командир толковый. Это она поставила всех в цепочку, после того как Петька, столкнувшись с Колей, вылил на себя полведра воды.

А еще нужно было пополнить корыта с песком. Это куда тяжелей, ведь таскать приходилось со двора, да и песок тяжелей воды. Валентина Кузьминична ругала Юрку за то, что набирает слишком много, мол, наживет себе грыжу, вовсе ничего таскать не сможет. Кажется, Юрка испугался этой самой грыжи. Женя спросила у мамы, что это такое, та объяснила. Да уж, грыжу лучше не наживать…

Мама дома все реже, она не на казарменном положении, но ходить домой некогда, приходится спать прямо в больнице. Медсестрам рядом с операционной выделили комнатку, где всего одна кровать. Спят по очереди те, кто стоять у стола уже не может. Жалко маму и других, но помочь нечем. Туда не пускают.

На улице все холодней, словно не осень, а уже зима.

И в квартирах вода из крана тоже совсем не горячая, мыться трудно. И в банях вода чуть теплая, а в раздевалках пар изо рта. Легче тем, у кого печи хорошо работают, но дров мало, не запаслись до октября, а теперь где взять? Если немцев до зимы не прогонят, то неизвестно, как люди зимовать будут. Хоть бы немцев прогнали поскорей, не то совсем противно будет в холодных квартирах.

Запретили использовать электроприборы, можно только зажигать лампочки. А еще управдом сказал, что лампы должны быть синие, такие меньше врагу с воздуха видны, даже если светомаскировка неплотно прикрыта. Сказал и первым вкрутил синюю лампу в парадной.

Это так противно. Под ней все бледные, словно мертвецы.

Станислав Павлович и бабушка решили пока дома не вкручивать, лучше накрыть абажуром пониже и светомаскировку аккуратно закрывать.

Домазали последние балки перекрытий на чердаке…

Это важная придумка ленинградских химиков. Молодцы, изобрели смесь, которая не дает гореть деревянным балкам. Вымазали все, даже по два раза. Можно бы и крышу, но на металле эта смесь не держится, так объяснил Юрка. Откуда он знает? Наверное, слышал на чердаке, его на чердак пускают, а Женю нет. Подумаешь, два года разницы! Даже неполные два, а если по годам рождения считать, то и вовсе один! Только ей десять в ноябре исполнится, а Юрке в январе будет двенадцать.

В их коммуналку пришла первая похоронка.

Женя с Юркой пришли с чердака, куда снова таскали песок, и, едва перешагнув порог, поняли, что что-то случилось. Бабушка тихо произнесла:

– Юра… папа…

Из их комнаты неслись рыдания и крики Юркиной мамы. На столе лежал белый лист извещения. Юрка молча опустился на стул, Женя топталась рядом, не зная, что сказать. Тетя Дуся продолжала причитать, то прижимая к себе ревущих Таню и Олю с жалобным воплем «сиротинушки!», то вдруг отталкивая:

– Да лучше бы я вас и вовсе не рожала!

Ирина Андреевна скомандовала детям:

– Ну-ка, выйдите!

Юра даже с облегчением потянул за собой сестренок.

В коридоре было слышно, как бабушка выговаривает Юркиной маме про детей, про обязанность вырастить их хорошими людьми даже без отца…

– Да как же я троих одна без мужа выращу?! – взвыла в ответ Евдокия.

– А мы на что?! Мы здесь все одна семья, так что не думай отчаиваться. У тебя Юрка вон какой, настоящий мужик растет…

Женя посмотрела на настоящего мужика и увидела, что тот плачет. Юрка плакал! Такого не бывало, он мог дать сдачи, мог подраться до разбитого носа, но не плакал никогда! Не зная, чем утешить приятеля, Женька вдруг предложила:

– Юр, давай, у нас будет один папа на двоих? Мой папа будет общим. У нас же много общего, бабушка вон на всех нас одна…

Неизвестно, согласился бы приятель или нет, но в это время вернулся с дровами Станислав Павлович, услышал из-за двери новые причитания тети Дуси и голос бабушки, поманил детей к себе:

– У меня книга новая есть. Ну-ка, почитайте девчонкам…

Книга была вовсе не новая, она старая, просто Станислав Павлович хотел, чтобы дети отошли от двери. Юрка раскрыл книгу и принялся читать какое-то детское стихотворение деревянным голосом, но посередине второй фразы замер. Таня затеребила брата за рукав:

– Юр, ну, Юр, чего ты молчишь?

– Ненавижу фашистов…

Он сказал это тихо и как-то так, что у Женьки мурашки по коже побежали. Станислав Павлович вздохнул:

– Да… кончилось ваше детство, ребятки…

Юрка теперь сирота, наполовину, но сирота. Как-то не верилось, что дядя Витя больше не придет никогда.

Но сирот и пострадавших от проклятой войны вокруг становилось все больше. Погиб папа Ани Высоцкой, убило маму Сережки Тарасова, тяжело ранило Степана Николаевича, бывшего управдома, остался без ног папа Марины Соколовой… да разве всех перечислишь…

Юрка предложил завести тетрадь и записывать:

– Это будет наш счет фашистам. Мы его обязательно предъявим.

Они стали записывать. Получилось много, слишком много, чтобы охватить это умом. Друзья не знали, что все только начинается, но уже догадывались об этом. Вот она, война…

– Почему товарищ Сталин до сих пор не прислал нам помощь? Неужели он не знает, что Ленинград в осаде?

Станислав Павлович вздохнул:

– Москве сейчас самой трудно, враг почти у города.

– Москва тоже в осаде?!

– Нет, что ты! – даже испугался Станислав Павлович. – Но немцы стянули туда много войск, даже с нашего фронта сняли. Этим Москва нам помогла, Ленинград не стали штурмовать.

Очень хотелось спросить, почему же так произошло, где советские доблестные соколы, как они допустили, что враг у ворот Ленинграда и даже Москвы? Разве Красная Армия не самая сильная в мире? Закрадывалась мысль: неужели немцы сильнее?! Страшная мысль, допускать которую никак нельзя, ведь если она окрепнет, то и надежда пропадет.

Это Женька понимала без всяких взрослых разъяснений. Понимала, а потому вопросы про силу Красной Армии не задавала. Красная Армия самая сильная, просто оказалась застигнута врасплох. Вот переформирует свои части и даст отпор врагу, погонит проклятых фашистов до самого Ла-Манша!

Только бы успела до зимы, а то уже октябрь, а изменения лишь к худшему. Сколько можно переформировываться?

Фраза «тяжелые кровопролитные бои» стала обыденной. И страшное слово «оставили» тоже. Неужели однажды после этого слова прозвучит «Москва» или «Ленинград»?! Нет, это будет только тогда, когда умрет последний ленинградец! А пока хоть один жив, гитлеровцев в город на Неве не пустят.

Станислав Павлович сказал, что, чтобы не оставалось времени на глупые мысли, себя нужно как можно больше нагружать работой – физической и умственной. Сказал и принялся нагружать. Ему помогала Ирина Андреевна. Они словно сговорились, то и дело придумывали Женьке и Юре какие-то дела, давали задания или просто чему-то учили.

Женькина бабушка вдруг объявила, что надо идти в Летний сад. Женя ахнула:

– Гулять?!

– Листья собирать.

Это несерьезно – собирать листья, когда город в осаде, но Станислав Павлович строго приказал и Юрке идти с женщинами. Пришлось подчиниться приказу. В результате сам Станислав Павлович с Иваном Трофимовичем отправились куда-то «на разведку», а Ирина Андреевна повела Юру, Женьку, сноху Ивана Трофимовича Полину и ее дочку Аду – в Летний сад. С собой взяли большие мешки, которые наспех сшили из трех покрывал.

Было странно, к чему им Летний сад, мешки и листья?

Ирина Андреевна объяснила просто:

– Будем делать махорку.

Так хотелось поваляться в опавших листьях, но детям не позволили, накричав:

– Вы для чего сюда пришли, баловаться?

Листьев набрали целых три мешка, плотно их набили и потащили домой. Но первый же милиционер остановил:

– Что это?

Ирина Андреевна ответила честно:

– Опавшие листья собрали.

Он не поверил.

– Зачем?

И снова она совершенно честно объяснила:

– Будем сушить и делать берклен.

– Что делать?

Ирине Андреевне пришлось объяснять, что берклен – замена табака.

Дул просто-таки ледяной ветер, стоять на набережной холодно, а милиционер все пытал и пытал. Потом покачал головой:

– Хитрая вы. Надо своей жене подсказать. Спасибо за совет.

Наверное, Ирина Андреевна выдала ему секрет табака.

Женька вдруг сообразила:

– Бабушка, а зачем нам табак, у нас же никто не курит.

– Обменяем на продукты, – спокойно ответила Ирина Андреевна и взвалила на плечи свой мешок.

Мешки не тяжелые, но зачем их нести, когда можно тащить?

Юрка свой так и потащил, но его тут же заставили нести:

– Возьми ты за завязанный край, а девчонки пусть за уголки схватятся. Нельзя мешки тащить волоком, они скоро порвутся, а нам еще не раз куда-то ходить.

Женька не противилась, а вот Ада… Не зря Иван Трофимович говорил, что с такой Адой никакого другого не надо. Она не столько тащила, сколько тянула свой угол назад, а когда ей сказали об этом, заявила, что просто не успевает. В конце концов Юра с Женькой отогнали Аду, взвалили мешок Юрке на спину, и Женька стала поддерживать его снизу.

Юрка злился: Ада старше Женьки на целых полгода, но какие они разные. Женька не плачет, ничего не требует и ведет себя как взрослая, а эта дурында все время канючит. Кушать она хочет! Словно другие не хотят. Все хотят, но надо экономить.

Потом женщины ходили за листьями еще раз, но Юра уже не пошел, нашел дела поважней. А Женька пошла и несла тот самый мешок обратно сама, отказавшись от помощи дурной Ады. А потом они еще ходили и собирали опавшие листья, особенно дубовые, вдвоем с Ириной Андреевной. Набрали очень много, по всей квартире были разложены эти прелые листья, запах вкусный стоял, хотя и тяжелый.

Ирина Андреевна затопила печь в кухне и листья сушились на ней. В обязанность Женьки входило следить, чтобы не сгорели, переворачивать, снимать и подкладывать новые. У Юры была более важная задача – следить за дровами в печке. Огню нельзя дать погаснуть, но и большой разводить не следовало, чтобы не спалить и чтобы лишние дрова не тратить.

Листьев насушили много, но половину отдали Ивану Трофимовичу. Это было нечестно, ведь Ада почти ничего не делала в парке, да и листья не сушила. И вообще Юрка терпеть не мог эту Аду. Она называла себя большой рядом с Женькой и маленькой, если это выгодно, чтобы от нее ничего не требовали.

Бабушкина подруга Вера Игнатьевна жила со своими двумя детьми и их семьями в Сосновке. Это казалось далеко-далеко, но бабушка и Станислав Павлович почему-то решили их навестить. Обратно притащили целых два мешка – один с капустной хряпой, а второй с сосновыми ветками и еще какими-то веточками. На вопрос, зачем это, объяснили, что про хряпу говорить глупо, ясно зачем, в ней витамины полезные, а хвоя для отвара против цинги, веточки же пойдут вместо чая.

Женя попробовала пожевать сосновые иголки, но тут же выплюнула:

– Какая гадость!

– Это надо пить в виде отвара, иначе зубы вывалятся.

– Но у меня уже выпадали зубы и новые выросли.

– Если из-за цинги выпадут, то не вырастут. И вообще, цинга – это страшно. Потому нравится или нет, а пить будете.

Бабушка строгая, если скажет живого таракана проглотить, то проглотишь.

– Еловые приятней, они кисленькие и не так смолой пахнут, – успокоил детей Станислав Павлович.

А по поводу таракана он сказал, что и их тоже едят, мол, сушат, толкут и добавляют в пищу.

Женьку чуть не вывернуло от этих его рассказов. К счастью, принесли письмо от папы. Это такая радость!

Юрка совершил подвиг.

Сам он так не считал, а вот Станислав Павлович считал.

Юра дежурил на чердаке, когда во время бомбежки сверху посыпались зажигалки. Одна из них упала совсем рядом, еще мгновение, и она начала бы «разбрызгиваться», то есть плевать во все стороны горючей смесью. Юрка не

испугался, не убежал, но не двигался с места, глядя на зажигалку как зачарованный.

Его оттолкнула соседка со второго этажа:

– Чего стоишь?! Тушить надо!

Она схватила бомбочку щипцами, чтобы сунуть в песок, но неудачно: щипцы сорвались, и зажигалка просто упала на песок. Теперь очнулся и Юрка, он принялся забрасывать уже начавшую плевать огнем зажигалку песком из той же кучи. У него в руках была лопата, а соседка помогала просто горстями. Потом к ним подбежали еще дежурные, и чердак был спасен.

Юрка не стал хвастать и выставлять себя героем, даже когда сказали, что это он потушил зажигалку. Наоборот, признался, что промедлил, испугался.

Станислав Павлович возразил:

– Но ведь страх победил?

– Нет, не победил. Если бы не Екатерина Васильевна, которая первой за бомбу схватилась, я бы так и стоял.

– Юра, то, что ты не сбежал, бросился помогать и не ушел после этого, означает, что ты страх победил.

Все равно Юрка себя героем не считал и хмурился, если кто-то его так называл.

Ирина Андреевна сказала, что настоящие герои так себя и ведут.

Женя очень гордилась тем, что с ней рядом живет настоящий герой.

У ленинградцев появился свой черный юмор.

«Меняю одну большую фугаску на две маленькие зажигательные в разных районах города».

«Меняю новый баян на буханку хлеба. Старую тещу вместо хлеба не предлагать, своя имеется»…

Самый длинный трамвайный маршрут пролегал от острова Голодай (остров Декабристов) до Волковского кладбища. Когда стало совсем голодно, была в ходу горькая усмешка, мол, как трамвай четвертый номер – поголодаю, поголодаю и на кладбище…

Иждивенческие карточки, по которым была самая маленькая продажа продуктов, даже меньше, чем на детские, прозвали «изможденческими». Именно на них можно было купить те самые «сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам», это были карточки смертников, без добавок не протянуть и месяца.

Но и такой юмор быстро сходил на нет.

Торчащие из форточек трубы буржуек стали привычными. Все, кто мог, обзавелись такими печками. Станислав Павлович прав, без буржуйки в войну никуда.

Но это такая хитрая печка… Буржуйка вроде толстой железной бочки с трубой и дверцей. Она очень легко раскаляется и так же быстро остывает. И все-таки без нее никак. Дров в это лето почти не заготовили, а осенью вовсе не было возможности, сараи стояли полупустые, чем топить, непонятно.

Стал сильно донимать холод, а купить дрова просто невозможно. Попробовали набирать на разбитых домах, но на большую печь не напасешься, даже Маргарите Семеновне на ее голландку дров не хватало.

Маргарита Семеновна, кутаясь в большую шаль, жалобно вопрошала:

– Что же делать?

Станислав Павлович коротко пояснил:

– Печку топить.

– Но ведь это в кухне, а как же в комнате? У меня цветы замерзнут.

– В комнате надо буржуйки ставить. И тут уж не до цветов.

Иван Трофимович еще в начале осени привез буржуйки, но тогда они отправились в кладовку.

Бабушка еще качала головой:

– Вот уж не думала, что доживу до тех времен, когда ею снова придется пользоваться.

Пришлось, и даже раньше, чем думали. Первыми поставили свои печурки Титовы и Станислав Павлович, печка здорово экономила дрова, потому их примеру последовали соседи. Потом буржуйки появились и в других квартирах дома.

Буржуйка – печка простая и надежная, но тепло от нее, только пока горят дрова и только рядом. Сама она тепло не держит, остывает быстро. Иногда протапливали печи, чтобы оставались в рабочем состоянии дымоходы. Но после очередной бомбежки что-то там осыпалось, и печь с их стороны стала дымить, пришлось даже трубы от буржуек выводить в форточки окон.

Блокадная жизнь все больше становилась похожа на доисторическую.

– Деревенскую, – сказала Елена Ивановна.

Станислав Павлович возразил:

– Нет, в деревне есть хорошие печи, запасы дров и провизии на зиму.

У них тоже были запасы дров внизу, в подвале, но когда его решили превратить в бомбоубежище, оттуда все вынесли, дрова пришлось забрать в квартиры, зато

это избавило многих от потери ценных полешек. Дело в том, что сараи стали грабить, никакие замки, повешенные дворником, не помогали, запоры сбивали и топливо воровали.

Выручил большой холл, который теперь превратился в дровяной склад. Станислав Павлович, не слушая нытье Маргариты Семеновны, тащил в дом все деревянное, что попадало под руку, и складывал:

– Пригодится. Разобью потом.

Елена Ивановна только головой качала:

– Мы все за Станиславом Павловичем, как за каменной стеной.

Она действительно спокойно уходила на свои дежурства, зная, что Женька присмотрена сначала бабушкой, а теперь вот Станиславом Павловичем даже лучше, чем справилась бы она сама.

– Ну вот и славно, и работай спокойно. Мы справимся, Леночка.

А еще Станислав Павлович показывал, как делать коптилки и обращаться с ними.

Маргарита Семеновна снова капризничала:

– У меня и печь есть, и лампа хорошая, к чему мне ваши буржуйки и коптилки?

– Печь ваша много дров требует, а лампа много керосина. Экономьте, пригодится. Умней было бы и вовсе всем в одной комнате собраться и жить, или вон в кухне. Иван Трофимович со своими уже так и сделал.

– В кухне жить? А готовить где? Да и как всем в одной комнате?

Станислав Павлович только рукой махнул, не желая убеждать.

Коптилка оказалась приспособлением забавным. В бутылочку из-под бабушкиного лекарства Станислав Павлович вставил металлическую трубочку, сквозь которую протянул туго скрученную толстую нитку. Один конец этого фитилька едва виднелся над трубочкой наверху, а второй колечком свернулся в керосине внизу.

– Только осторожно, не уроните. Горючее.

Юрка поморщился:

– Что, мы маленькие, что ли?

И почти сразу, неловко повернувшись, чуть не опрокинул неустойчивую бутылочку.

Станислав Павлович принял меры, он нашел бутылочку пошире и пониже, а потом и вовсе где-то раздобыл части керосиновых ламп без стекла и фитилей.

Он вообще оказался на редкость добывчивым и практичным. Раньше Станислав Павлович с Иваном Трофимовичем часто играли в шахматы и спорили о мировой политике, теперь объединились, чтобы спасти своих домашних. Станислав Павлович не делал различия между собой и семьями Титовых, Егоровых, Бельских и даже Маргаритой Семеновной. А еще соседками из квартиры напротив, там все трое ушедших на фронт мужчин погибли, остались лишь две старухи и три женщины с малыми детьми. Немного погодя одна семья перебралась к родственникам в район Пискаревки, второй Станислав Павлович помог добраться в деревню, где тоже нашлось кому приютить, а в третьей семье и без того слабенькие мать и дочь долго не протянули. Но пока были живы, и Ирина Андреевна, и Станислав Павлович, и даже Женька с Юркой, как могли, помогали – отоваривали карточки, приносили дрова, подбрасывали еду, делая вид, что это выделенная помощь:

– А вы как думали, ведь ваши мужчины на фронте, государство вам помогает.

Но однажды к соседям зашла какая-то родственница, страшно удивилась «помощи», быстренько все разузнала и поведала, что никакой такой помощи не выделяют, ведь на фронт ушли почти из каждой семьи. На следующий день соседка принесенную еду брать отказалась:

– Нет, я знаю, что вы отрываете от себя.

– Не отрываем, Полина, это не последнее. Можешь прийти и проверить.

– Все равно не возьму.

– Возьмешь! – кричал Станислав Павлович. – У тебя девчонка прозрачная стала, сама едва жива. А мы пока еще в силах помогать. Бери, Полина.

Женька с Юркой подслушивали, прижавшись к входной двери соседской квартиры ушами. Дверь была ледяная, Женькино ухо замерзло, она на минутку отодвинулась, чтобы приложиться другим боком, и тут же получила удар открывшейся дверью по спине. Станислав Павлович буквально выскочил на лестничную площадку, Женька сжалась, понимая, что сейчас последует выговор за подслушивание, но этого не произошло. Мгновение Станислав Павлович соображал, а потом приказал:

– Ну-ка, молодежь, пригласить Аллочку к нам поиграть с Таней и Олей!

Аллочка маленькая, она ровесница Тане, в школу еще не ходила. С того дня так и повелось: утром Женька стучала в дверь соседской квартиры с приглашением Аллочки к ним «поиграть с Таней и Олей», девочка приходила, потом стала приходить и сама Полина.

Станислав Павлович стал непререкаемым авторитетом для всего дома, к нему шли за советом, за помощью и просто что-то узнать.

Однажды Женька задумалась: знают ли на Большой Земле, например в Москве, о том, что Ленинграду нужна помощь?!

– Юр, ведь нельзя же по радио переговариваться? Радио и немцы подслушать могут. А если приказ о наступлении отдать, тогда как? Чтоб внезапно для врага было.

Юрка не знал, то есть он помнил о телефонных проводах на столбах, Женька о них тоже помнила, но ведь город в блокаде, значит, никаких телефонных столбов быть не может, не станут же немцы пропускать через захваченную территорию связистов.

За разъяснениями отправились к Станиславу Павловичу.

Тот согласился, что проводов на столбах давно нет, но заверил, что наверняка есть какой-то подземный провод, не может не быть.

– Конечно, – обрадовался Юрка. – Тайный! Главное, чтобы немцы не догадались, где он зарыт. А то раскопают и подслушают.

Не было никакого тайного подземного провода, Ленинград оказался в кольце блокады слишком быстро, чтобы его успели проложить. Зато был… подводный, но знать об этом не полагалось не только немцам, но и любопытным ленинградцам, чтобы даже случайно, намеком не выдали тайну.

Такой хрупкий «тяжелый» водолаз.

В подзаголовке нет ошибки, все верно, она действительно была миниатюрной – Нина Васильевна Соколова, первая в мире тяжелый водолаз-женщина.

Тяжелый, значит, имеющий право опускаться на глубины в десять метров.

Чтобы получить на это разрешение, пришлось прибегнуть к помощи самого Михаила Ивановича Калинина, слишком уж трудной и опасной была работа под водой «тяжеловесов». Она и сейчас нелегка, но в тогдашнем снаряжении тяжелого водолаза шлем с манишкой тянул на двадцать килограммов, один башмак весил двенадцать кг, а у Соколовой собственный вес был 44 килограмма.

Работать водолазом Нина Соколова начала в 1939 году в Баренцевом море, а в дни блокады 27-й отряд ЭПРОНа (Экспедиции подводных работ особого назначения), где главным инженером была Соколова, поднимал со дна Ладоги затонувшие мешки с продовольствием и ценные материалы, они же протянули по дну озера тот самый кабель для связи с Большой Землей, обнаружить

который немцы так и не смогли.

А еще Нине Соколовой принадлежала идея проложить через озеро трубопровод для прокачки топлива. Весной 1942 года Ленинград задыхался от нехватки не столько продовольствия, сколько горючего, ведь продовольствие надо чем-то возить… Разрешение на работы в Москве дали без особой надежды на успех, но водолазы сумели протянуть 29 километров трубопровода за 43 дня, вернее, ночи, ведь работать приходилось втайне от врага, иначе грош цена всей задумке. Местами глубина прокладки труб доходила до тридцати пяти метров! Немцы не подозревали о существовании трубопровода и даже не пытались вывести его из строя.

А потом те же водолазы… укладывали на дно Ладоги деньги, вернее, бумагу, предназначенную для выпуска денег. Нет, не для приманки кладоискателей, туго скрученная бумага с водяными знаками оказалась прекрасным изолятором для электрокабеля, проложенного также по дну от заработавшей Волховской ГЭС к все еще блокадному Ленинграду. В Ленинграде пошли трамваи – символ жизнестойкости города, зажегся свет в квартирах, заработали простаивавшие цеха заводов. А кабель и по сей день в работе, правда, не на дне Ладожского озера, а… под Невским проспектом.

На доме номер 48 по улице Ленина в Санкт-Петербурге теперь есть памятная доска, посвященная легенде ЭПРОНа инженер-полковнику Нине Васильевне Соколовой. Родина не очень щедро оценила труд своей единственной женщины-водолаза тех лет, а ведь ее личный результат – 644 часа под водой в тяжелейших условиях сначала Баренцева моря, а потом штормовой, ледяной Ладоги.

Обычно первому снегу радовались, но в тот день, когда на улице стало все белым-бело, бабушка только ахнула и сокрушенно покачала головой:

– Голод будет.

– Почему, бабушка, почему? – пристала к ней Женька.

Ну какое отношение имеет первый снег к голоду?

– Примета такая есть, Женя, если снег на не опавшие листья ляжет, быть голодной зиме.

Станислав Павлович просто не позволил никому расслабляться и паниковать, он заявил так, что никто в квартире не посмел возразить:

– Печи есть, пойдем за дровами.

– А где дрова покупать?

– Будем собирать то, что может гореть, на разбитых домах.

За дровами отправились все, кто мог: сам Станислав Павлович, бабушка, Елизавета Тихоновна и Женя с Юрой. Доходяга Егор Антонович остался присматривать за Таней и Олей. Когда они вернулись, таща кто что мог, то еще в парадной услышали рев сестричек и неумелое пение Егора Антоновича:

– Ой, люли, люли…

Люли не помогали, девчонки хотели есть, и им было холодно.

Их большущий холл, где совсем недавно устраивали общие праздники, превратился в дровяник. Все притащенное с улицы сложили прямо под дверь квартиры эвакуировавшихся Якимовых.

У Титовых пропала Мила, уехала рыть окопы, как многие другие студенты, потом сообщила письмом, что все в порядке, и после ни строчки больше месяца. Елена Ивановна пыталась разузнать о ее судьбе, в институте сказали, что ничего не знают, занятий пока нет, а потому она сама по себе.

Мила пришла сама, выглядела хорошо, куда лучше, чем раньше, явно была сыта.

Шепотом сообщила бабушке, что служит в Смольном, новая знакомая, которую она вытащила из-под бомб на себе, пристроила.

Глядя на то, что Мила выкладывает на стол, Ирина Андреевна покачала головой:

– Рада бы не поверить, да не могу. Кем ты можешь там работать?

– Уборщицей. А скоро перейду в официантки в правительственную столовую, мне обещали.

– Сытно кормят? – как-то холодно поинтересовалась бабушка.

Мила смутилась:

– Да, сытно.

Она явно не желала ничего рассказывать и торопилась уйти.

– Я еще забегу. Только вы никому не рассказывайте, что я… где я работаю. Не надо.

Когда за ней закрылась дверь, Ирина Андреевна сокрушенно вздохнула:

– Да, хорошо пристроилась наша Мила.

Женька не могла взять в толк, почему ей это не нравится.

– Повзрослеешь – поймешь.

Женя спросила у Юры, он все-таки старше, но Юрка тоже не понимал. Работает человек в Смольном, что в этом плохого?

Ошибкой восприятия блокады у многих наших современников является уверенность, что продукты, особенно хлеб, по карточкам «получали».

Нет, карточки давали только право выкупить то, на что выданы. Покупали за деньги, конечно, небольшие, но для этого нужно работать или получать пенсии. А получив, беречь как зеницу ока.

В связи с этим случалось много трагедий.

Сначала утерянные карточки восстанавливали. Но довольно быстро нашлись те, кто стал этим спекулировать, заявления об утере карточек посыпались дождем. Тогда такое правило отменили. На карточках появилась надпись: «В случае утери не восстанавливаются».

Теперь потеря карточек или денег была равносильна смертному приговору. Особенно страшно, если за продуктами ходил один человек из семьи, тогда простое его падение на улице могло привести к трагедии. Сил подняться сразу не всегда хватало, бредущие мимо люди часто не могли помочь, ведь были слабы не меньше, а морозы уже с начала ноября – ниже двадцати градусов! Ослабленным людям хватало и получаса на таком морозе, чтобы превратиться в окоченевшую колоду.

И в бомбоубежища с собой носили все ценное, самым ценным кроме детей и родных были те же карточки и деньги.

В комнату к Титовым война пришла неожиданно, не похоронкой – разбитыми окнами.

Уже под утро они возвращались после невесть какой по счету воздушной тревоги, еле волокли ноги даже на свой второй этаж. Стоило войти в квартиру, по ногам потянуло холодом. А уж когда распахнули дверь в свою комнату…

Даже без света ясно, что стекла выбиты, ими усыпано все – вещи, мебель, но главное – без стекол по комнате гулял ледяной ветер.

Женька в ужасе замерла, а бабушка сзади прошептала:

– Как же мы жить будем?

Стекла вылетали у многих, как их ни заклеивай, а если ухнет где-то рядом, все равно вылетят. Очень многие окна в домах закрыты фанерой, от этого страшно холодно и темно даже днем.

Подошел Станислав Павлович:

– Что случилось?

– Вот, – кивнула бабушка на черную внутренность комнаты.

Мгновение он молчал, потом усмехнулся:

– Придется милым дамам провести остаток этой далеко не прекрасной ночи в моей комнате. Приглашаю. У меня не столь уютно, но стекла целы. А днем разберемся.

Стекла вылетели с одной стороны – у Титовых и у Якимовых. Пришлось закрыть окна фанерой. Во всей квартире стало заметно холодней, а Титовым пришлось перебраться в комнату Станислава Павловича совсем, их рамы восстановлению не подлежали. Сам Станислав Павлович собрался переехать в разбитую, но бабушка не позволила, сказала, что ни за что не пустит его к себе «в опочивальню»! Что она имела в виду под этим словом, Женя не поняла…

Спор закончился тем, что общими усилиями они вынесли кое-что из вещей Станислава Павловича «мерзнуть в темноте», а сами перебрались к нему. У него тоже большая комната.

В этом непланированном переезде в меньшую комнату были свои плюсы: дров расходовалось меньше, и еще у Станислава Павловича на стене висела большущая карта, по которой все следили за продвижением фашистских орд. Следить было тоскливо, но Станислав Павлович придумал обучать Женьку с Юркой географии. Он рассказывал о разных странах и чудесах, о том, как живут люди далеко-далеко, какие есть высокие горы, широкие реки, огромные моря и океаны…

Дети очень любили эти уроки, собирались вокруг буржуйки и под треск дров занимались каждый своим. Бабушка вязала носки и варежки для бойцов Красной Армии и даже получала рабочую карточку, хотя трудилась на дому. Станислав Павлович что-то мастерил, он всегда что-то мастерил, и рассказывал.

Если бы не вой сирены и не буханье далеких зениток, можно подумать, что никакой войны нет.

Но она была, ведь был голод, а главное, у всех родные на фронте и столько людей в беде.

Еще они любили слушать радио. Не метроном или вой сирены, конечно, а Ольгу Берггольц с ее стихами и Марию Петрову. Мария Петрова читала не свои стихи, она читала прозу, и для детей тоже. Все, кто был в это время в Ленинграде, помнят голос Петровой, особенно нравились в ее исполнении «Дети подземелья» Короленко.

Однажды Женя сказала Юрке, что пока рядом с нами такие взрослые, нам никакая блокада не страшна. Кажется, бабушка услышала и почему-то всплакнула. Но разве Женя не права?

Тогда же Женя задумалась, что было бы, отправься бабушка в эвакуацию, как Якимовы. Спросила об этом маму, та нахмурилась:

– Что за глупые вопросы?

– Нет, правда, мамочка, что было бы, если бы бабушка эвакуировалась, она же могла. Куда бы ты меня дела, в приют сдала?

Приют – это кошмар маминого детства. Она «приютская», «подброшенка», потому своих родителей не знала. И о самой жизни в приюте никогда не рассказывала, но по тому, как не рассказывала, понятно, что жизнь была очень тяжелой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Большая часть расплавленного сахара была затем переработана на патоку, использована для приготовления кондитерских изделий.

2

Здесь и далее приведены выдержки из книги-дневника А. Бурова (Буров А. В. Блокада день за днем. Л.: Лениздат, 1979).

3

Конечно, речь о Ленинграде и ленинградцах.

4

Для справки тем, кто в Петербурге не живет:

Урицк – это район нынешней станции Лигово, она существовала под тем же названием. Это давно район Санкт-Петербурга, сейчас Лигово – четвертая остановка электрички от Балтийского вокзала, и от нее до Дворцовой площади и Эрмитажа по прямой всего 15 км!

5

В декабре 1941 года, когда условия блокады стали особенно тяжелыми, было разрешено временно прекратить учебные занятия. Однако в 39 ленинградских школах они все-таки продолжались.

6

В 1953 году переименован в Запорожский.

Купить: https://tellnovel.com/natalya-pavlischeva/dozhit-do-vesny

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити